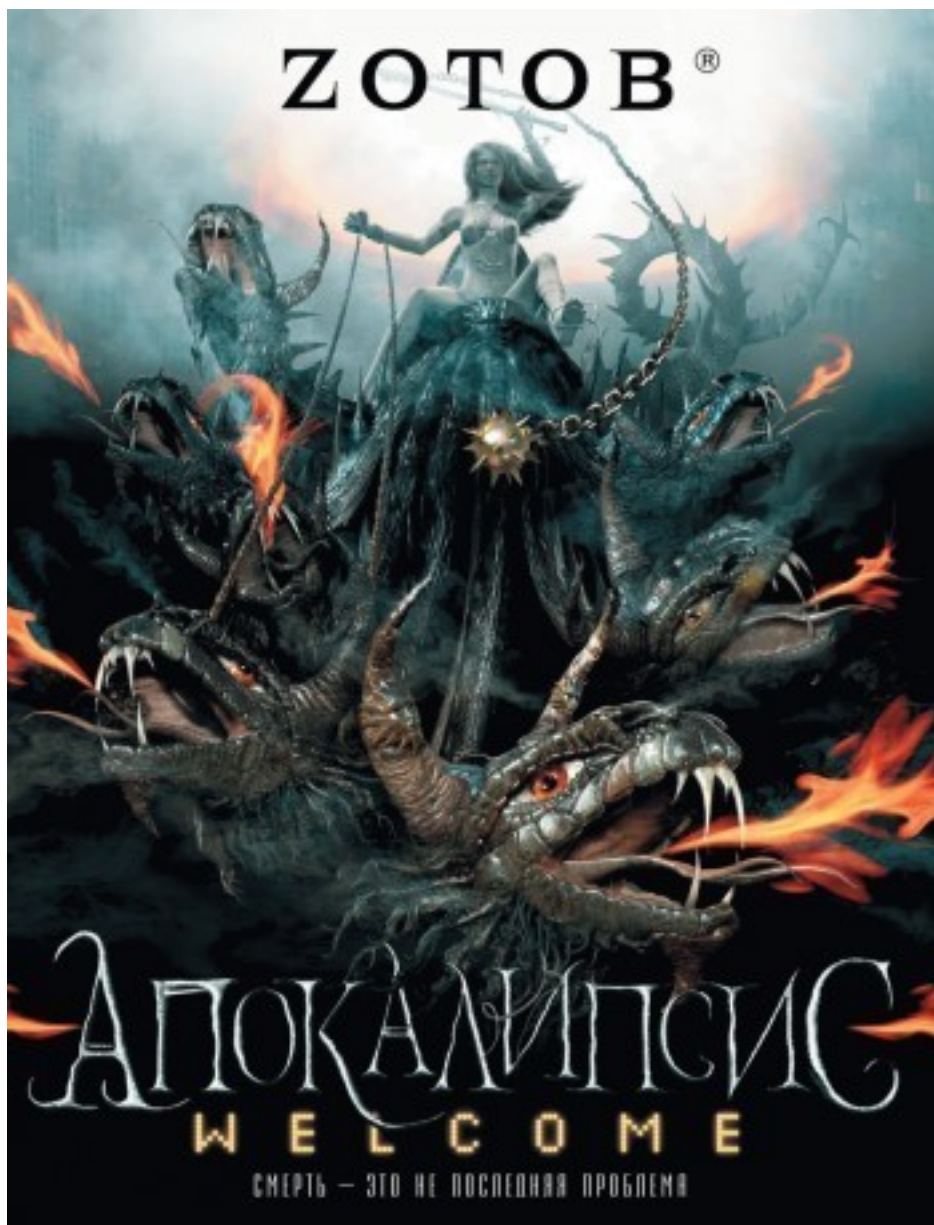

ZOTOB®

АПОКАЛИПСИС

W E L C O M E

СМЕРТЬ — ЭТО НЕ ПОСЛЕДНЯЯ ПРОБЛЕМА

Конец света

Георгий Зотов

Апокалипсис Welcome

«Автор»

2008

Зотов Г. А.

Апокалипсис Welcome / Г. А. Зотов — «Автор», 2008 — (Конец света)

ISBN 978-5-17-057977-8

Библейское пророчество об Апокалипсисе – сбылось. Покойники поднялись из могил на Страшный Суд. На улицах горящей Москвы – дивизии СС, монголы Батые, стрельцы царевны Софьи, витязи Дмитрия Донского! КОНЕЦ СВЕТА? ДА. Но для мертвой питерской девушки – все только начинается. Ее преследуют ангел из Рая, и демон из Ада. За ней охотится существо из древней гробницы. Каждый борется за свое – но всем нужна только она. Зачем? Почему? Какова ее роль в Апокалипсисе? ФИНАЛ НЕ РАЗОЧАРУЕТ. Шокирующая тайна Библии раскроется только в конце. Динамичный триллер мира мертвых – без единой смерти. «Откровение» Иоанна Богослова – в убойном коктейле из черного юмора и сенсаций церковных апокрифов. Книга-блокбастер – способна потрясти любое воображение! ЧИТАЙ СЕЙЧАС – ПОКА НЕ ЗАПРЕТИЛИ.

ISBN 978-5-17-057977-8

© Зотов Г. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть 1 Кладезь бездны	5
Пролог	5
Глава I. Пробуждение	8
Глава II. Черновик Эсфигмена	11
Глава III. Corpse Bride[4]	22
Глава IV. Забытая гробница	25
Глава V. Поцелуй льда	34
Глава VI. «Смертьфон»	38
Глава VII. Кладезь бездны	46
Глава VIII. «Порш-кайен» Кадырова	51
Глава IX. Вкус тлена	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Zotov

Апокалипсис Welcome

Часть 1 Кладезь бездны

*Я хочу разрыть могилу – и закрыть твои глаза,
Милого лица коснуться: там лежит твоя душа.
Слышишь, тишина вокруг? Я пришел к тебе, мой друг...*
Grave Digger. Silence

Пролог

Темные воды глубокой реки хранили мрачное и в то же время величественное спокойствие... они еле двигались – словно боялись запачкаться, брезгливо соприкасаясь с грязным песком дикого пляжа. Плотная жидкость напоминала подсолнечное масло: она текла жирно, лениво и отчасти даже сонно – продолжая дремать на ходу. Мутные волны облизывали скорлупу засохших кокосов, в изобилии валявшуюся на берегу. Над водой, как робкие пловцы, выгнулись кривые стволы облезших пальм. Белеющие во тьме тушки мертвых рыб, перевернувшиеся кверху брюхом в окружении каши из черных водорослей, смешивались с отвратительной бурой пеной, собравшейся на поверхности воды. Душное пространство онемело: не было слышно даже противного писка малярийных moskitov, еще недавно целыми стаями быстро носившихся над маслянистыми волнами. Река умерла, как и все живое, что находилось внутри нее. Колыхаясь, мертвые воды продолжали шевелиться, и философ узрел бы в этом нечто мистическое: так обвешанных фотокамерами туристов, плывущих на лодке через священный Ганг, шокирует последний танец трупа на погребальном костре у храма Кришны.

Опрокинутая серебряная чаша – с краями, облепленными мокрым песком, зарывшись в тину на самом краю пляжа, не выделялась из общего мертвого спокойствия. Почерневший металл тускло отсвечивал во мраке. Внутренние стенки сосуда отражали высушенную пустоту: на дне не осталось ни единой капли жидкости – чаша уже сутки покоилась на берегу, под яляясь под палящими лучами беспощадного солнца. Любой прохожий, даже не будучи профессором археологии, запросто признал бы в чаше ровесницу древних цивилизаций Востока. Похоже, ее отчеканили во времена фараонов, а то и более ранних мировых владык: чьи призрачные царства забылись, превратившись в пыль на подошвах солдатских сандалий. Сцены, выбитые на стенках чаши опытной рукой чеканщика, изображали толпу людей, склонившихся перед Солнцем. Это светило спокон веку обладало статусом божества, и ему не требовалось прилагать для своей популярности особых усилий. Земным народам издавна свойственно обожествлять то непонятное, до чего они не могут дотронуться пальцем. Фаэтон греческого бога Гелиоса, несущий огненные колеса по раскаленным облакам, возможно, не раз сталкивался с желтой повозкой норвежки Сунны, объезжая золотую колесницу египетянина Ра, навстречу обозу капризного славянского божества Ярилы. А за дорожными инцидентами злорадно наблюдал индуистский бог Сурия, придерживая поводья семи своих лошадей, сверкающих солнечным светом.

Три вертикальные линии, второпях нацарапанные на дне сосуда, представлялись как удар когтей дикого зверя. Однако на самом деле они всего лишь означали III – стандартную римскую тройку. Потемневший вокруг чаши песок трепещущим ковром устилала тельца бабочек, судорожно распростерших теряющие краски крылья в последнем желании – улететь из жут-

кого царства смерти. Черная вода мягким ударом коснулась чаши, и та покорно устремилась в сторону, перекатившись на другой бок.

Джунгли пронизывали ночь будоражащим запахом ледяного молчания: и это было даже страшнее мертвой реки с качающейся на волнах дохлой рыбой и черным песком, усыпанным раздувшимися лягушками. Дождевой лес – организм, живущий в ритме ночного клуба: он способен задавать потрясающие *концерты* до самого утра. Среди стволов огромных деревьев, закутанных в лианы, непременно услышишь и хохот, и визг, и леденящий душу вой – какофония звуков не прекращается ни на секунду, вытягивая из мозга по капле остатки разума. Даже спецназовцы отказываются от ночевки в джунглях: люди с опытом и крепкими нервами рискуют сойти с ума в «зеленом отеле». Пугающую тишину тропического леса, слившегося в любовных объятиях с извилистой рекой, можно было без преувеличения назвать МЕРТВОЙ. Да в принципе – так ведь оно и было.

Человек, явившийся из джунглей, походил на отпускника-неудачника, по вине жуликоватой турфирмы оказавшегося на отдыхе в гиблом месте. Цветастая гавайская рубашка (зеленые и желтые пальмы на белом фоне), обросшие светлыми волосами тонкие руки, засунутые в карманы шорт-«бермуд», на загорелых ногах – шлепанцы, вырезанные умельцами из старых автомобильных покрышек. Выцветшие волосы на затылке завязаны в «хвостик», худое лицо покрыто веснушками, губы припухли, как у обиженного ребенка. Обычный курортник-бэк-пекер: из тех, что тысячами ошиваются на улицах Бангкока или Куала-Лумпура, – сходство довершал потрепанный голубой рюкзак, болтавшийся на тощих плечах. Беззаботно шлепая по песку, *курортник* вразвалочку подошел к реке. Присев на корточки, он по локоть погрузил руку в глубь темных и маслянистых волн.

Вода слабо булькнула, перевернув трупы рыбешек.

Курортник извлек руку – сдвигая пальцы, на манер ножниц, он пристально осмотрел ладонь. Фаланги липли друг к другу, с костяшек тягуче стекали густые, как свежий мед, черно-багровые капли.

Рыжий рассвет полыхнул над джунглями – внезапно, как взрыв напалмовой бомбы, это заставило *курортника* зажмуриться. Река, переливаясь под солнечными лучами, неохотно меняла цвет – черные оттенки исчезали, сопротивляясь резкими бликами. Поверхность воды сделалась яркой, *тяжело-красной*, потрясающе гармонируя с шевелящейся зеленью джунглей. Парень в «гавайке», вытерев запачканную руку прямо о шорты, опустился на песок, любуясь красочной картиной. Практически райскую идиллию портил разве что резкий запах – от речных волн несло *сладящей* вонью: той самой, которой свойственно приводить в безумство голодных уличных псов, обитающих под стенами городской свинобойни.

Вода реки превратилась в *к р о в ь* — самую настоящую венозную кровь. Сверху казалось, что неведомый маньяк вспорол долине живот: грубо, неумело, орудуя тупым сапожным ножом, разбросав ошметки зеленой плоти, – через тело джунглей тянулась сплошная красная рана. Наверное, именно таким в представлении греков и был древний Стикс – мрачная река подземного царства, по волнам которой переправлялись в загробный мир души мертвецов. Кровь убила все живое в этой заводи: рыбы погибли сразу, лягушки уснули отравленным сном, крокодилы уползли подальше от страшных кровавых вод. Да и вся остальная живность в окрестных дождевых лесах, похоже, поступила аналогично: это место больше не выглядело пригодным для обитания живых существ.

Отныне здесь можно было только умирать.

Курортник, сунув *другую* руку в карман, выудил странное приспособление – вроде мобильного телефона, но с одной-единственной кнопкой на панели. Нажав ее, он дождался вспышки сигнала.

– Слушаю, – с дребезжанием прозвучало из недр динамика.

– Это номер три, – деловито произнес *курортник*. – Только что завершил задание. Сейчас сниму на камеру и передам доказательство по спутниковому Интернету. Надо пользоваться – пока существует связь. Осталось недолго.

– Волшебнo, – согласился невидимый собеседник. – Как отправишь фото, побудь на месте пару-тройку минут. Появится **знак** – можешь идти.

Скинув рюкзак прямо на мокрый песок, турист извлек из его недр зачехленную фотокамеру: черный «кэнон» с профессиональной оптикой. Порывшись внутри сумки, он вытащил дополнительный объектив, ловко привинтив его сверху – словно щупальце. Наведя *трубу* объектива на струящиеся под стволами пальм потоки крови, нажал на затвор. Камера тихо застрекотала: снимки делались быстро – два десятка фотографий отщелкались сплошной очередью, как из пулемета. В *окошке* «кэнона» послушно отпечатались: мертвые рыбы, бурая пена, трупики бабочек на песке. Следом из рюкзака на свет появился компьютер-ноутбук: подсоединив шнур к фотокамере, *курортник* аккуратно перекачал снимки на жесткий диск. Прошла еще минута – и он легко вышел в Интернет через спутник, набрав в командной строке хорошо знакомый адрес электронной почты. «Зацепив» первый снимок, он начал прикреплять его к посланию...

Связь барахлила, временами прерывалась, но у туриста хватало как времени, так и терпения. Окончив сеанс, он убрал сначала ноутбук, а затем и фотокамеру обратно. Подойдя к лежащей на песке чаше, *курортник* поднял ее, осторожно повернув: он с любопытством склонил голову, всматриваясь в сценку с людьми, на коленях ожидающих появления Солнца. Особенно хорошо вышла у чеканщика женщина ближе к краю – молодая, с распущенными волосами, она радостно простирала руки навстречу божественному свету. Турист, улыбаясь, поднес чашу ближе к глазам – надеясь внимательно рассмотреть черты лица молящейся.

Солнце на небе померкло так быстро, что он не успел этого сделать.

Стоя в кромешной тьме, *курортник* уяснил – это и есть знак. Его задача выполнена – *руководитель* разрешает ему у й т и. Чаша со стуком легла в рюкзак, он тщательно перетянул шнуры на сумке сложнейшим узлом.

Мертвые джунгли поглотили его – так же безмолвно, как и выпустили.

Глава I. Пробуждение (День № 1 – понедельник, Москва)

Интересно, а что я сейчас делаю? Откровенно говоря, на редкость глупейший вопрос. И так ясно – сижу на краю обрыва, бесцельно болтая свесившимися вниз ногами. В мозгах сплошной звон, я ничего не думаю, поскольку мысли свернулись тугим кольцом и сдохли – изображая робота, я механически верчу головой по сторонам. Окрестная панорама не заставляет открыть рот в восторге и восхищенно произнести «Вау!». Абсолютно ничего интересного. Серая и дождливая погода – скорее всего, начало осени: период затяжных простуд и кислых депрессий. Тяжелое, измятое небо нависло над деревьями так, что почти цепляется за сучья – того и гляди, ему не удержаться: плюхнет, подмяв под себя желтые нити сухой травы. В ушах раздражающий шум – тонкие голоса, женское хоровое пение и скрежет от радиопомех. Напрягая губы до боли, я улыбаюсь. Зачем я это делаю? Наверное, сугубо из вежливости. Строгая мама, не жалея времени, наставляла в детстве – даже незнакомым людям следует улыбаться. А незнакомых людей вокруг очень-очень много. Человек сто. Или двести. Правда, ведут они себя странновато – скаль зубы хоть до посинения, никто и не подумает улыбнуться в ответ: хотя бы из чувства формальной любезности. С бесцельным видом они бродят от *столбика* к *столбику*, сталкиваясь друг с другом и безжалостно давя каблуками головки превосходных к р а с н ы х цветов. Лица бледные, грязные, измятые – выражение глаз выдает глубокую растерянность. Трогают себя за рукава, пристально рассматривают пальцы рук, часто поднимают по очереди то левую, то правую ногу – вскрикивая, издавая нервные восклицания. Женщина, прижимающая к груди пятилетнюю девочку, – косичка перехвачена розовым бантиком. Мрачный, сухощавый старик в строгом костюме. Лысый мужик с наколками «Витя Superbad». Десантник, одетый в форму с парадными аксельбантами. Жеманная дама, ступающая мелкими шажками, – она зачем-то напялила на себя длинную узкую юбку, держит над головой кружевной зонтик. Все перепачканы землей. Земля в одежде, уголках губ и волосах. Мальчик в матросской шапочке открывает рот: сыплется мокрая земля вперемешку с дождевыми червями. Я тоже поддаюсь позымаю в горле – кашляю, сплевывая невкусную массу, забившую гортань. Какая несусветная гадость. Зачем же тогда они ее едят? Ненормальные.

– Мама, а что это такое? – спрашивает у женщины *та самая* девочка.

Женщина молчит, стискивая руку ребенка. Она не может ей ответить. Девочка плачет: заходится криком. Мать смотрит на нее пустыми глазами.

У меня конвульсивно дергаются пальцы. Левый уголок рта. Правое веко. Все тело начинает бить частыми, сильными сгустками нервной дрожи. Я поочередно скашиваю глаза на оба своих плеча – их покрывает материя, по цвету напоминающая снег. Я одета в пышное платье – белое-белое, как идеально взбитые сливки. Большущая юбка-колокол, все в гламурненьких кружевах и рюшечках, на груди – прозрачный тюль. Какое симпатичное. Разминаю онемевшие лодыжки, удивляясь: мои ноги обуты в шикарные кремовые туфли. Неужели я работаю рекламным агентом бродячего цирка? Похоже, что да. Облачилась в модельное платье и сижу на краю измазанной глиной сырой ямы – как городская сумасшедшая. С любопытством шупаю материю. Интересное платьице. Сшито явно на заказ. Я про такие уже слышала. Как их вообще называют-то, Господи? Ах да... *подвенечные*.

Я звонко хихикаю – так кудахчет курица: мелко-мелко, булькая тонкими горловыми звуками. Сжимаю пальцами виски, уподобляясь барышне из дешевой мелодрамы – кончики ногтей глубоко врезаются в кожу. Ох, как клево. Оказывается, я – невеста, которая сбежала со свадьбы в неизвестном направлении. А теперь, видимо, колбасится, приехав на бал-маскарад извращенцев – поедателей земли. Высунув дрожащий язык, я прикасаюсь им к ладони: она холодная и мертвенно-белая, как подвенечное платье. Не видно ни одной голубенькой про-

жилки. Мое истерическое хихиканье становится громче – даже вороны слетают с веток, но окружающие не спешат вызывать мне «неотложку» или любезно предложить успокоительное. Все заняты делом. Кто-то смеется. Кто-то плачет. Кто-то молится, обращая ладони к небу, где спрятался за тучами объект их поклонения. Каждый счищает с себя землю – ох, как же много тут земли... Не прекращая хихикать, я перехожу на рыдания: плачу навзрыд – закрыв зареванное лицо руками. Меня никто не утешает. Но это и неважно.

Ведь я вспомнила. Я же ВСЕ вспомнила...

Классическая музыка... лаковый паркет... стены с пошлыми розочками на обоях, только что от евроремонта... заспанные после бурного девичника подружки мучительно улыбаются мне накрашенными ртами... Олег... он такой смешной и серьезный – и даже при галстукке, который никогда не носил... толстая тетка с красной лентой через плечо, затаив корыстную надежду, спрашивает: «Фотографа нашего возьмете?» Кольца на бархатной подушечке. Тяжелый холод золота, надетого на палец. Торопливый поцелуй сонными, вялыми губами. Шампанское в пластиковых стаканчиках на выходе из ЗАГСа и пена, неудержимо бьющая через край...

Я провожу рукой по волосам. Они тоже в земле: сваялись, потускнели. Сверху прямо на нос мне падает мокрица – одним щелчком отправляю ее в воздушное путешествие. Значит, я была на свадьбе. На **своей** свадьбе. Но как же тогда я оказалась ЗДЕСЬ? Я поднимаюсь, отхожу подальше от краев ямы. Меня грубо толкают – дед в полосатой больничной пижаме. Он идет как бы сквозь пространство, не видя никого вокруг, что-то шепча бескровными губами – протянув перед собой руки. Старик явно безумен. Подождите-подождите. Неужели я рехнулась от счастья и сразу со свадьбы меня отвезли в психушку? Обшариваю платье руками, не забыв оценить идеальный маникюр. Лезу в лифчик. Не стесняюсь посторонних, задираю пышную юбку, осматривая чулки. Нет, мобиляника, видимо, мне не положено. И куда, собственно, я собиралась позвонить? По какому номеру?

Уууууууууууу. Аааааааа. Ясно-ясно-ясно. Шизофрения. А что еще?

Возвращаюсь. Безвольно присаживаюсь – яма тянет меня, как магнитом. Запрокидываю голову. Небо, делая одолжение, выдавливает пучок хилых молний. Черные облака нехотя подругмяниваются – на горизонте встает огненное зарево. Я чувствую горький запах дыма... и снова, в который раз, сплевываю землю – беспомощно высовывая язык и отвратительно громко кашляя. Прямо под ногами внезапно раздается деревянный стук.

Чья-то ледяная рука обхватила мою лодыжку.

Я дико визжу. Ошарашенно вскакиваю. Смотрю вниз.

Человек на дне ямы несколько не смущен моей реакцией. Напротив – пользуясь освободившимся местом, он сноровисто вылезает наружу. Молодой парень с щегольскими усиками, в совершенно клоунской одежде: не то парадная форма, не то ливрея швейцара... грубое сукно сине-красного цвета, высокие ботфорты – с раструбом, заканчивающимся выше колена. На голове – шляпа, похожая на длинную трубу, с лаковым козырьком; рука вцепилась в эфес изогнутой сабли.

– Мадмуазель, – с ярко выраженным акцентом говорит человек, придерживая саблю и расшаркиваясь с ленивой церемонностью. – Pardon moi, но для чего же так орать? Ну да, вас положили сверху, прямо на меня. Разве плохая поза? Я и без того вами изрядно стеснен. Почитай, уже двести лет здесь лежу. Отойдите, сильвупле. Сейчас наверняка кто-нибудь еще оттуда полезет.

Словно в подтверждение его слов, со дна ямы слышится залиvistое конское ржание. Ничего не понимаю. В глазах – карусель: с визгом, хохотом, свистом. Серый овальный камень, наполовину зарывшийся в землю. Я приняла его за столбик. Такие же камни повсюду, да и не только они. Слева – элегантная беседка с крышей-луковкой, а справа – грустная мраморная скульптура сложившего крылья ангела. Земля устлана обломками досок. Подол платья испач-

кался в белой глине. Пахнет затхлостью и мокрым мхом: запах земляного *нутра*, чьи кишки бесцеремонно вытащили наружу.

Я вглядываюсь в лицо девушки, *вставленное* в полированный серый камень у края ямы. Печальное, в чем-то наивное. Большие глаза, косы, закрученные вокруг головы, ямочки на щеках... надо же, симпатичная девица. Губы сурово сжаты – есть такой тип людей: нормальные в общении, они не могут заставить себя улыбнуться на снимках и всегда получают чересчур серьезными. «Свет-ла-на» – читаю я по слогам литые буквы из белого металла, касаюсь пальцем цифр на камне – «1981–2009».

Знакомая девушка. Кажется, я ее видела. Она моя подруга? Сестра? Племянница? Пульсирующий болью комок разума, обледенев от ужаса, с шумом взрывается, расцветая внутри головы восхитительным, кроваво-малиновым фейерверком. Ноги подламываются... – я неловко, боком, опрокидываюсь в грязь, не думая о последствиях для шикарного платья.

СЛОВНО НАЯВУ, Я ВНОВЬ ВИЖУ И СЛЫШУ...

Звук и картинка выше всех похвал – как в современном кинотеатре. Рев мотора надвигающегося грузовика. Громкие крики в ушах. Сильнейший удар – сломанные ребра с хрустом цепляются за сердце, пытаюсь спасти мне жизнь. Острый, плоский и длинный осколок автомобильного зеркальца, разрезая фату, входит в глазницу – моя голова откидывается назад, как у куклы. Один глаз открыт, второй отчаянно брызжет красным, напоминая раздавленный помидор... светлые волосы превращаются в тяжелые, кровавые сосульки. Включились «дворники», бездушно щелкая по лобовому стеклу. Пятна м о е й крови, расплывающиеся на свежей рубашке Олега.

К л а д б и щ е. Вот почему здесь серые надгробия с фотографиями умерших, мрачные склепы с толстыми стенами, безвкусные и дорогие памятники в виде ангелов. И венки из темно-красных цветов, которые никогда не пахнут, – их запах забирает к себе смерть. Призрачные фигуры, окружающие меня, – французский офицер, чокнутый старик, девочка с розовым бантом... это мертвецы, вставшие из своих могил. Они разделяют мои чувства: испуг, неспособность понять происходящее. Все люди ожили в один и тот же момент, по незримой команде. На мертвых лицах нет ни малейших следов разложения. Кожа дышит свежестью, будто обитатели кладбища обрели статус покойников не более часа назад. Мои ладони вновь наливаются горячей кровью. Никаких червей, запаха, плесени. Как огурчик.

Вот почему на мне настолько красивое и белое подвенечное платье.

Согласно старой традиции, так принято обряжать на похороны невесту.

Мертвую невесту.

Глава II. Черновик Эсфигмена (Прспект Мира – *через час*)

Здесь на бумагу так и просится заштампованная фраза «жили-были». Но это совершенно ни к чему. То, что они «были», и без того подтверждается многими источниками, ну а «жили» – так это вообще отдельный разговор. Начнем с интересного факта: редкие гости, удостоившиеся посещения *той самой* квартиры на проспекте Мира, уже с порога не скупилась на восторженные восклицания – поражаясь тонкому вкусу хозяина. Это своеобразный закон бытия: едва у человека появляются деньги, он начинает воспитывать вкус, иногда даже против собственной воли. Меняет отдых в Хургаде на Ниццу, выбрасывает «москвич» и покупает «порше», продает дачу в Подмосковье и строит виллу на Бали. Именно по причине наличия у хозяина достойной суммы денег квартира напоминала скорее музей, чем жилище. В каждой из шести комнат (а в особенности в той, что была искусно обставлена дорогим и *штучным* антиквариатом) хотелось зависнуть в воздухе, дабы без помех обозреть каждую деталь. Стильная гостиная, выполненная в лимонных тонах, с желтым диваном, столиком-баром и плазменными ТВ-экранами на всех четырех стенах, дарила впечатление детского счастья. Свет хрустальной люстры был намеренно притушен, отбрасывая шпионские тени, но собравшиеся в гостиной в освещении не нуждались. Да, они познакомились не так уж и давно. Однако при желании смогли бы узнать лица друг друга даже в кромешной тьме. Каждый жалел, что они не встретились раньше, но в то же время не уставал благодарить обстоятельства за то, что каприз судьбы, совершив настоящее чудо, собрал их десять лет назад – именно в этом городе...

Хозяин квартиры (к слову сказать, ее обширные комнаты занимали весь последний этаж – «пентхаус» элитного дома с вертолетной площадкой) – обладатель купеческой бороды, сгорбленный человек лет сорока, ловким жестом бармена виртуозно выбил дубовую пробку из бутылки старого французского коньяка. Наморщив покатый, высокий лоб, он плеснул гостям приличную порцию темно-янтарной жидкости. Не удовлетворившись результатом, сразу же долил еще столько же – практически до краев.

Все молча залпом выпили – до дна, как привыкли в *этой* стране.

Хозяин и один из двух гостей потянулись к нарезанным цитрусам. Они тоже олицетворяли определенный стиль: аккуратные кружочки лимонов в центре лимонной гостиной, чудесно гармонировавшие с обоями из китайского шелка. Бородач всегда лично занимался дизайном квартиры, не доверяя это душевное дело посторонним, – он с давних пор любил самостоятельно украшать стены. Каждый закусывал по-своему, выдавая поведением давнюю привычку. Владелец квартиры проглотил цитрус вместе с коркой, разжевав в месиво. Второй человек – крепыш с выбритой головой, горбатым носом и накачанными бицепсами, помогая языком, вырвал желтую мякоть зубами – сок брызнул на столик. Третий собутыльник – молодой человек лет двадцати, с длинными черными кудрями, прикрывавшими тонкий, еле различимый шрам у мочки левого уха, побрезговал лимонами. Он лишь крякнул, уважительно покрутив головой.

– Послушай, – чеканным голосом произнес горбоносый, сглатывая остатки лимонной дольки. – Ты уверен, что на этот раз приметы действительно совпали? В Москве газетчики обожают выпускать пар впустую. Еще год назад был у меня случай – сломалась машина, ехал в метро. Час пик, стиснули меня со всех сторон: стою, держусь за поручень, трясусь. Вижу, девушка разворачивает газету, а на первой странице аршинный заголовок: «Завтра – конец света!». Сердце обледенело. Прыгнул, как обезьяна, через весь вагон, пассажиров кругом насмерть перепугал. Ну и что? Оказалось, водка подорожала на двадцать рублей. И не поспоришь ведь – для России это действительно Апокалипсис. Про толпу дурацких сектантов, которые в ожидании светопреставления дружно забрались под землю, я вообще молчу. Лично

откопал бы каждого, чтобы персонально съездить по роже. Наперсточники. Объявили Апокалипсис – уж будьте добры, держите марку!

Паренек заранее подготовился к беседе. Сунув руку за спину, он вытащил из-за ремня джинсов свернутую трубкой пачку свежих газет.

– Вот, погляди, – профессорским тоном заметил он, разворачивая газетный лист на останках лимона. – Видишь заметочку? Да нет, не эту. Смотри внизу, сразу под рекламой телефонного секса – рядом с новостью о Пугачевой...

«Двести человек в Либерии поражены загадочной болезнью».

Здоровяк по-лошадиному фыркнул, не скрывая раздражения.

– Обалдеть, как гениально! – с издевкой произнес он. – Разумеется, эта сенсационная новость – стопроцентный признак грядущего Апокалипсиса. Откуда же в Африке и вдруг взяться болезням? Чистейший, стерильный, пышущий здоровьем континент: ни вируса эбола, ни желтой лихорадки, ни тропической малярии. Только глупые скептики говорят, что там лишь присядешь на землю, так будешь потом всю жизнь на лекарства работать. Поздравляю, Малик. Как-то раз в пылу спора я несправедливо назвал тебя мудаком. Беру свои слова обратно. Ты – *полный* мудак.

Кудрявый юноша и не подумал обижаться.

– А ты, Кар – просто образец офицера, – хихикнул он. – Я отчего-то не удивлен, почему в любой армии ты не поднимаешься по чину выше лейтенанта. Дослушай сначала, а потом уже лепи высокоумные комментарии. В с е люди, пораженные неведомой болезнью, служили в личной охране африканского диктатора-людоеда Чарльза Тейлора. Ребятки принимали участие в каннибальских пиршествах, где повара подавали жареных на гриле врагов в томатном соусе и с перцем чили. И вот, буквально в течение суток, происходит нечто из ряда вон выходящее. Каждый телохранитель в одночасье с ног до головы покрывается смрадными язвами, источающими белую слизь. Самое удивительное – они никак не контактировали, находясь в разных странах. Врачи не могут понять, откуда взялась инфекция. А вот тебе и распечаточка из Интернета. Видишь эмблему на берете и рукаве охраны? Череп с рогами.

Рука бородача дрогнула – коньяк пролился на рубашку от Prada.

– *Первая чаша*... – прохрипел он с оттенком безумия.

– А вот ты определенно не дурак, Ферри, – кивнул Малик. – Соображаешь, что к чему. Именно. Большинство не отреагировало: пропустили новость мимо ушей. А *им* это только на руку. Похоже, наши добрые знакомцы все же собрались ввести в действие свой план, и без лишней огласки.

Ферри отошел от стола. Теряя силы, опустился в лимонное кресло. Прошло не меньше минуты, прежде чем к нему вернулся дар речи.

– **И сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание Зверя и поклоняющихся образу его**, – безжизненным, механическим голосом сказал бородач. – Точнее не бывает. Охрана Тейлора делала себе татуировки с ликом вождя-каннибала. Зверю не обязательно быть одиночкой – он может стать и *коллективным*, воплотить свою сущность в сотне земных тиранов. Под его образ при желании легко подверстать кучу персонажей. Учитывая общее развитие атеизма в XXI веке, Небесам нужно сильно постараться, чтобы напугать людей Дьяволом. А тут – просто и понятно. Этим миром правит столько реальных монстров, что по сравнению с ними князь тьмы – сопливая мелюзга в коротких штанишках.

Малик вытащил из пачки вторую газету, присев на желтый валик кресла.

– Ты не даром заработал свои миллионы, Ферри, – восторженно похвалил он приятеля. – Да, *они* нас переиграли. Мы были уверены, что успеем подготовиться – конец света произойдет в строгом соответствии с «Откровением» от Иоанна. Однако *они* по загадочной причине предпочли вариант, незаметный широкой публике...

Газетные страницы зловеще шелестели у Ферри на коленях.

– Забавненько, – с увлечением тыкал пальцем Малик. – Опять в самом низу... *информашечка*... Из стилия – «пролистнул и забыл». Читай-читай. «Приток реки Литани, текущей в джунглях на границе Суринама и Гвианы, **полностью превратился в кровь**». Все живое умерло. Власти вяло расследуют случившееся, предполагая нашествие непонятных микроорганизмов либо экологическое преступление, – кто-то из мясных королей слил в речку отходы с полусотни свинобоен. Смешно, правда?

– *Третья чаша*... — выдохнул бородач. – Мать вашу... одна за другой...

От прежнего спокойствия Кара не осталось и следа. Поддавшись всеобщему волнению, он нервно вытер платком блестящий от пота лысый череп.

– Но позвольте, друзья, а как же все остальное? – воскликнул Кар. – Наблюдается несоответствие *их* первоначальному плану. У меня от зубов отскакивает, заучил наизусть. Перед тем как на Землю прольются семь чаш гнева Божьего, с книги Апокалипсиса снимут семь печатей, а уж после этого все и появится – и четыре всадника, и семь ангелов, – они вострубят, предвещая приближение конца света. Но вместо всего – полный сумбур. Смысл Апокалипсиса в следующем: он обязан двигаться неспешной поступью, сжирая планету постепенно, и от него не будет спасения. Тут же исчезли целые текстовые фрагменты, словно их вырезала рука безжалостного редактора. **«Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала в третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „попынь“; и третья часть вод сделалась попынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки**». Но что-то пока никто в целом мире не жаловался на горечь вод.

Юноша по прошлому опыту знал: убеждать Кара – дело тяжелое.

– Я каждый раз забываю, что ты военный, – обреченно ответил он. – Хорошо, нет проблем. Чтобы дошло, я тебе три раза расскажу. *Они* решили сделать все по-тихому. В «Откровении» от Иоанна черным по белому начертано: **«Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь»**. Но нет ни е д и н о г о слова, что это событие должно происходить в водах по всей Земле. Одна река в Суринаме, вторая – где-нибудь глубоко в джунглях Конго, третья – на необитаемом острове в Микронезии, подальше от человеческих глаз. И все, дело сделано, условия соблюдены. Горькие воды? Миллион вариантов. Не сказано же, третья часть к а к и х именно вод обрела вкус полыни: тут можно, по сути, и тремя ведрами обойтись. Несложно пойти на подмену смысла, оставшись точным стилистически. Например, недавний скандал в Китае, когда младенцев напоили молоком, отравленным меламинам. Чем не звезда «попынь»? Четыре всадника Апокалипсиса? Отлично. А ты способен сообразить, что они у ж е появлялись? Представь себе въезд конной четверки на площадь в Новом Орлеане во время карнавала или их возникновение перед парламентом в Лондоне. Да никто не испугается – их примут за уличных актеров. Людям и в голову не придет, что пришел конец света. Ты видел, у нас на Сухаревке мужик на рыжем пони катается, мобильники рекламирует? *Они* зарядят его, как всадника Апокалипсиса... а ты и знать ни о чем не будешь.

На бугристом лице Кара отразилась тень понимания.

– Так вот откуда взялось глобальное потепление, – потирая затылок и стараясь не смотреть в глаза Малику, промычал Кар. – Надо же. Хитрые твари. И верно, ни с того ни с сего – температура плюс сорок пять градусов. **«Он вылил чашу на солнце, и было дано ему жечь огнем людей»**. А перед жарой – затмение состоялось. Народ обрадовался – толпой на пляж в Серебряном бору повалил. Никто не понял, что его типа жгут, – у всех в рюкзаках лосьоны от солнечных лучей с фактором защиты 45. Одно беспокоит – как это мы умудрились пропустить с а м о г о Зверя?

Лимонный кондиционер тихо зажужжал, охлаждая комнату.

– Ты думаешь, он реально был? – прыснул смехом Малик. – **«И увидел я выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами, был он подобен барсу, ноги у него – как у медведя, а пасть – как пасть у льва».** Будь уверен, о таком чудовище все газеты разом бы отписались. Полагаю, есть два пути развития событий. Первый – этот Зверь вышел из моря в такой несусветной глуши, что на него никто не обратил внимания, специалисты между тем каждый год открывают на нашей планете новые виды животных. Сам недавно по Discovery Channel смотрел – у берегов Мадагаскара нашли якобы вымершую рыбу из каменного века. Второй – Иоанн нигде не указал конкретно размеры этого Зверя: ему показалось самым ужасным его число – шестьсот шестьдесят шесть. Теперь закрой глаза – сидишь ты в шезлонге на Красном море, а тут из волн выбегает малюсенький такой крабик...

– Крабик с пастью, как у льва? – поразился Кар. – Оригинально...

– Да по хрену, какая там пасть, – прервал ход его мысли Малик. – Факт, что мы *провафлили* начало конца света, нам решили устроить *ползучий* Апокалипсис. Все приличествующие события из «Откровения» тихой сапой устраивались в отдаленных уголках планеты – без лишнего шума. Болезни? Есть Африка. Кровь? Есть речушки. А уж землетрясения сейчас – и вовсе обыденность. *Они* отлично все рассчитали. Дьявол не успеет принять меры: у *них* на руках все козыри. Если ты не заметил один из признаков Апокалипсиса – вовсе не значит, что его не было. Ты же не видишь с балкона Австралию? А между тем она вполне себе существует. Думаю, начало светопреставления – дело ближайших часов. Мертвые встанут из могил.

От жаркого и страстного монолога у Малика пересохло во рту... – метнувшись к коньяку, юноша налил себе полстакана. Бородач вздрогнул, как бы приходя в себя после комы. Его рука слепо зашарила по столу. Секунда – и пальцы клещами вцепились в пульт. Панели на стенах дружно мигнули, послышался хриплый голос диктора: он не владел собой. Слова из дрожащих губ вырывались кусками, словно их резали на ходу:

– Это невероятно... на одном из кладбищ Москвы всего полчаса назад... наш оператор упал в обморок, но его камера продолжает снимать... срочно уберите от экранов детей... прямое включение...

Камера на штативе отобразила толпу людей среди вскрытых могил, разломанные гробы и опрокинутые надгробия. Земля, подобно куску сыра, была усеяна множеством дырок, лабиринты которых методично выплевывали все новых и новых пришельцев. В царских вицмундирах, меховых малахаях, железных кольчугах, а то и вовсе замотанных в изорванные звериные шкуры, с дубинами в руках. Кар и Ферри обмякли, едва не слившись с креслами: они сделались похожими на надувные матрасы, разом потерявшие весь воздух. Малик напряженно вглядывался в происходящее на плазменных экранах, ни на секунду не спуская с них глаз.

– Если бы вы только слушали меня, – напомнил он, не отрываясь от репортажа, – то сейчас все было бы по-другому. Теперь вникайте. Мы забыли: существует одна помеха – очень значительная и досадная. Маловероятно, что у н е е получится, но мы просто обязаны принять меры...

– О чем ты? – не понял Кар.

Малик, отклеившись от экрана, одарил его усмешкой.

– Последняя *невеста*... – отчетливо произнес он, и Ферри с Каром разом дернулись. – Слова из *черновика*. Это п е р в о е кладбище, где восстали мертвые, там обязана быть и п о с л е д н я я невеста. Та, которая...

Его собеседники быстро переглянулись.

– Ни слова больше, – простер руку Ферри. – Да, я ее вспомнил.

– И я тоже, – эхом отозвался Кар. – Просто удивительно, как я смог это забыть. Наверное, все потому, что мы давно устали ждать: никто не верил в настоящий Апокалипсис – церковь пугала им слишком часто и много. И вот, так и случилось... он пришел в тот момент, когда мы к нему совсем не готовы. Если бы не обгоревший обрывок страницы из *черновика*, что я успел

выдернуть из пожара на горе Афон... мы до сих пор пребывали бы в неведении относительно опасности, таящейся в проблеме *невесты*. Однако, на наше счастье, мы з н а е м. Нельзя медлить. Ее надо остановить.

Ферри дернул воротник рубашки: несмотря на кондиционер, ему стало душно. На пол посыпались пуговицы: дряблая шея выглянула наружу, на коже налились кровью вены. Он всегда реагировал флегматично, когда Кар в сотый раз в красках рассказывал о своей поездке в Грецию, сияя, как алхимик, открывший секрет превращения свинца в золото. Подумаешь, добыл обгоревший клочок бумаги. Да и то – полфразы: а о другой половине можно лишь строить догадки. Смутное упоминание о последней *невесте*, которая способна разрушить дело всей их жизни. Тогда Ферри не испугался – ему показалось это смешным. Страх пришел сейчас: «Откровение» творилось у него на глазах. И один человек способен им помешать. *Невеста*.

А ЕСЛИ ИМ ИЗВЕСТНО ПРО НЕЕ... МОЖЕТ, ЗНАЮТ И ДРУГИЕ?

– Дохлый номер, – уныло проскрипел бородач. – Допустим, мы найдем ее. И что с ней делать? Запереть в комнате, подвале, вывезти на дачу? Но если за ней придут и *те* и *другие* — мы не сможем им противостоять. Убить – не убьешь, *невеста* уже и так мертва: что называется, раскройте объятия, для вас сюрприз от Страшного Суда. Покойники воскресли, и теперь смерти не существует. Больше никто в мире не умрет – разве что, как в детской игре, «понарошку», на несколько секунд. Остается лишь надеяться на лучшее...

Он хотел добавить, что не все так плохо – возможно, именно на этом кладбище никого и нет, но все его предположения разбились вдребезги, похоронив зачатки оптимизма. Перед глазом камеры медленно прошла девушка – светленькая (явно крашенная блондинка), с красиво уложенными волосами и бледным лицом. Ее одежда, как магнитом, притянула взгляды мужчин из разных углов комнаты – они, будто по четкому приказу, подались вперед, лихорадочно всматриваясь в платье.

Белое... красное... кружевное... п о д в е н е ч н о е...

Стакан, выпав из рук Малика на пол, разбился вдребезги. Ферри широко открывал и закрывал рот – как рыба, вытасченная на сушу. Хладнокровие сохранил только Кар, быстро нажавший на кнопку записи, – внизу ТВ мигнул красным огонек включившегося видеомонитора.

– По крайней мере, теперь мы знаем ее в лицо, – спокойно заметил он. – Она уже здесь, и у нас есть шансы перехватить ее – до того момента, пока к *невесте* успеют приблизиться наши возможные противники. Малик, очухайся. Влезай в Интернет, достань мобилу – звони по справочным, вычисляй, кого из баб хоронили на Ваганьковском за последние три дня. Имя, адрес, родственники. Любые подробности. И как можно точнее.

Малик кивнул – на помертвевшие щеки вернулись розовые пятна. Кар, подойдя к сумке-«ягдташу» в прихожей, отстегнул один из карманов. В его руках оказалась записная книжка в обложке из мягкой черной кожи. Подкинув ее на ладони, он задумчиво заговорил, разглядывая потолок...

Монолог Кара, чье происхождение покрыто мраком

«Ты абсолютно прав, Ферри. Ее не убить. И, наверное, не спрятать. Иногда я думаю – лучше бы мне этого и не знать. Но *черновик* интересовал меня всегда: хотя бы из чистого любопытства. Сначала я не верил в его существование – в мире религии слишком много фальшивок, если уж подлинность туринской плащаницы регулярно подвергается сомнению, о чем тут говорить... Но потом я убедился, что *черновик* — это настоящая

реальность. От всей книги сохранилась лишь последняя страница: папирусный футляр с ней больше тысячи лет содержался в Церкви святых апостолов в Константинополе. Он был вделан в основание гробницы императора Константина – первого из римских августов, принявших христианство. После падения Константинополя перед ордами Мехмеда Завоевателя и разрушения церкви вместе с гробницей футляр с помощью греческих схимников перекочевал на гору Афон. Там его поместили в особый тайник, и ни одной живой душе, кроме настоятелей монастыря Эсфигмен, не разрешалось заглядывать внутрь. В 1829 году Греция обрела свободу, изгнав турок после их четырехсотлетнего владычества; Эсфигмен в качестве награды получил от короля специальный статус х р а н и т е л я футляра. С тех пор раз в год, во время особо торжественного богослужения, реликвию выносят к верующим – для поклонения и поцелуев. Однако открывать футляр запрещается. Надо заметить, я особо не рвался туда. Нужные строки, каждая буква не то что заучены наизусть, давно отпечатались в сердце. Мне было лишь любопытно узнать: что же такого *он* написал в первоначальном варианте, возжелав потом вычеркнуть ничтожную пару строк? Сугубо охотничий интерес. В общем, остальное вы знаете – я оказался в Греции задолго до нашего общего знакомства, и мой визит вряд ли можно определить как туристическую поездку. До сих пор отлично помню тот вечер. Конец апреля, но уже довольно жарко – а еще жарче от пожаров, охвативших афонские монастыри. Их грабили, растаскивали все, что можно, не брезговали ничем – даже посудой. Я прикинул – как специалисту мне обязательно надо воспользоваться ситуацией. Неужели *черновик* сгорит или попадет в руки мародерам – а я так и не узнаю, что за слова содержатся внутри футляра? Добрался до Эсфигмена: монахи разбежались, в монастырском дворе сидит старый дедушка-хранитель – кажется, болгарин, с ружьем. Ну, отнял у него ружье, говорю – давай, разворачивай свиток. Старик зверем смотрит, но делать ему нечего – саркофаг с *черновиком* на самом видном месте, у золотого алтаря. Отодвинул он крышку, свиток вытащил – сделал вид, сволоочь, что дает мне в руки: а сам бросил в огонь. Застрелил я его, конечно, и полез голыми руками в пламя. Вырвал, достал...всего лишь клочок... обрывается на слове «кладбище». Но для сноса крыши хватило и этого. Узнал про *невесту* — аж в глазах у меня помутилось. Даже если она не ведает про свою тайную силу, любому эта девушка для нас чудовищно опасна. Да-да, так и вижу по вашим кислым ромам, что вам страшно хочется сказать: «Кар, мы эти твои речи уже слышали сто раз на добрых застольях за кружкой вина». Все правильно...но я никогда не говорил вам: что же случилось дальше? Ага, насторожились? Слушайте. *Черновик* так зажег меня идеей, словно Апокалипсис назначен на завтра. Я ушел с работы (если можно так выразиться, а точнее – сбежал), скрылся из Греции и тайно приехал в Александрию. Почти год провел, изучая архивы в коптских¹ библиотеках – это я-то! Однако решение так и не нашлось – постепенно я утратил интерес к проблеме *невесты*. Прошло целых 16 лет – пока однажды, читая за утренним кофе свежую газету, я случайно не наткнулся на очень интересный факт. Американские археологи из штата Пенсильвания обнаружили на западе Турции объект, документально подтверждающий существование одной легендарной личности.

¹ Копты – название общины египетских христиан.

Меня как кузнечным молотом по голове ударило. Я всегда полагал, что этот человек – сказочный, мифический персонаж, обладавший, по древней легенде, уникальными умениями. Но оказалось, что он жил на самом деле! Я бросил все дела и улетел в Стамбул, арендовав в аэропорту машину. Как только я добрался до места, то получил новые, неопровержимые доказательства. Археологов привели в сильное замешательство предметы, обнаруженные внутри *объекта*, а также пугающие, загадочные следы на запертой двери – иллюстрация тому, что популярная история имела крайне жестокий финал. Доклад американцев, впрочем, не произвел никакого фурора в научном мире. Результаты раскопок положили под сукно. А я вернулся, успокоился и снова благополучно забыл – и про *невесту*, и про *объект*. Последние пять лет мы, скрупулезно просчитывая земные события, уверяли самих себя в скором приходе Апокалипсиса. Но точной даты не ведал никто. Так вот, Ферри, не стоит заранее паниковать. Да, как и ты, я более чем уверен – многие заинтересованные стороны попытаются использовать дар *невесты*. Нападения следует ждать как с *одной*, так и с *другой* стороны. Но есть человек, который с минуты на минуту воскреснет из мертвых... хотя пока я даже не знаю, можно ли называть его человеком... скорее так – некое существо, способное разрулить нашу проблему с *невестой* буквально за один миг. Я найду его и постараюсь договориться. Ты предоставишь мне свой самолет, Ферри?»

Бритоголовый выжидательно смотрел на бородача, тот, сделав усилие, покачал головой – плавно, словно космонавт, находящийся в невесомости.

– Сожалею, Кар. Я распустил команду до вторника. Мне понадобится день-два, чтобы собрать всех и подвезти топливо. Я прикажу забрать тебя на обратном пути: из того места, где ты будешь находиться.

– Некритично, – махнул волосатой рукой Кар. – Апокалипсису всего час от роду, человечество не успело проникнуться концом света. Самолеты еще летают. Люди тупы, и ощущение безысходности придет к ним нескоро.

Найдя нужный номер, он подошел к желтому телефону, висящему на стене.

– Алло? Мне срочно нужен билет – ближайший рейс на Стамбул.

Сидя у компьютера, Малик лихорадочно соображал – *сказать или нет?*

Но, оглянувшись на Кара, решил не говорить ничего...

На плазменных панелях Высоцкий, обняв гитару у подножия своего памятника, задумчивой хрипотцой пел ожившему Есенину про любовь – ту, что «растворилась в воздухе до срока». Поэт печально кивал, подперев кулаком белый подбородок². *Невеста* вплотную подошла к камере, дотронувшись до экрана. Ее глаза заполняли прозрачные слезы...

Отступление № 1 – Дьявол/Агарес

Пиар-директор, щелкнув ножницами, с деликатностью подправил крашеную прядь на лбу подопечного. Восторженно осмотрев творение рук своих, он цирковым жестом сорвал с плеч клиента черную накидку. Круговое движение – и парикмахерское кресло развернулось к зеркалу, занимающему всю стену. Холодный взор клиента зацепился за отражение монстра с двумя

² Оба поэта похоронены на Ваганьковском кладбище.

полукруглыми рогами. Склонив голову набок, Дьявол молча рассматривал черные брови, слегка припудренные щеки и новую, пышно взбитую прическу.

– Ну, и как вообще я выгляжу? – с сомнением спросил он.

– Офигительно, – захлебнулся пиар-директор.

Дьявол еще раз бросил любопытный взгляд в зеркало.

– У меня странное ощущение, что я похож на Сергея Зверева, – вынес вердикт князь тьмы. – Мои сторонники ожидают увидеть именно его?

– Для многих Зверев, собственно, и есть Сатана. – Главу адского «паблик рилейшнз» было трудно заставить врасплох. – Да вы хотя бы церковь спросите. Они подтвердят.

– Они что хочешь подтвердят, – поморщился Дьявол. – У них после зевка рот не перекрестил – уже воплощение Ада. В принципе я рассчитывал на нечто другое – такое стильное, мрачное, готичное зло в стиле вокалиста «Лакримозы». Ну ладно... на крайняк уж и так сойдет.

Дьявол встал с сиденья, откровенно пахнущего серой.

– Значит, мне надо явиться перед своими сторонниками и воодушевить их, официально объявив приход на Землю царства Антихриста?

– Примерно так, – кивнул пиар-директор. – Речь уже заготовлена. Краткое, но бурное объяснение, что все мировые религии давно себя исчерпали: ханжеством, тупостью, однообразием и запретами – поэтому во время финальной битвы Ада и Рая требуется правильный выбор. Отпечатали листовки, планируем разбрасывать с воздушных шариков. На них – вы на фоне горящей церкви и лозунг – «Зажигай с Дьяволом!». После речи адский фуршет, включающий употребление галлюциногенных грибов, оргию в джакузи, обсыпание кокаином. С последним временно напряженка: наркомафия в Колумбии затаилась, пока ничего не продает. Я объяснил, кто клиент, а они – нам требуется спасти души, не за горами Страшный Суд. Пришлось кокаин вульгарно разбодяжить мукой, чтобы на всех приглашенных хватило.

– Амигос кокаинос надеются попасть в Рай, – повеселел Дьявол. – О, как превосходно эти парни там будут смотреться! Знали бы они, что такое Рай... Одобряю, но не переборщи с мукой: получится пикантная неловкость, что гости на балу у Сатаны обширились выпечкой. Дела у нас на данный момент идут ужасно. Но сторонники сатанизма, а также рекламные спонсоры не должны об этом знать. Хорошая мина при плохой игре, демонстрация уверенности в победе – примерно так, как делали Хиллари Клинтон, а также СПС и «Яблоко» на последних выборах. Никто не должен заподозрить, что мы проиграем.

– А мы проиграем? – огорчился пиар-директор.

– Конечно, идиот, – холодно ответил Дьявол. – Ты что, «Откровение» от Иоанна не читал? В скором будущем грядет сражение на небесах: я двину свою армию падших ангелов против войск архангела Михаила. Трагический результат великого небесного сражения подлец Иоанн определяет так: «С неба на землю низвергнут будет великий дракон, древний змий, называемый Дьяволом и Сатаной». Заметь, без малейшего привкуса жалости к моей судьбе! Не совсем понятно, зачем именно мне лезть на небо, чтобы сражаться, – но против пророчества не попрешь. Я так полагаю, что это будет битва с применением штурмовой авиации. Сложно вдвойне! Мало подбить самолет с ангелом – даже если иссякло горючее, эта тварь дотянет до аэродрома

на собственных крыльях. На всякий случай, я озаботился приобретением МиГ-31 и F-16, дабы обеспечить временное господство в воздухе. Хотя все это – лишь попытки оттянуть время. «Откровение» съедает мой шанс на успех. *«Он взял дракона, змия древнего, который есть Дьявол и Сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет»*. Сплошные повторы, тяжелейшие речевые обороты, корректор и рядом не лежал: обычная графомания. Но какой критик осмелится разбирать творчество апостола? Еще недавно за это сжигали. Наверное, ты меня осуждаешь за пессимизм. Однако любой впадет в уныние, если на него наденут наручники, впаяют десятивековое заключение, а в довершение еще и сверху п о л о ж а т. По моему, это просто пиздец.

– Не то слово, – согласился пиар-директор.

– Как раз то, – печально возразил Дьявол. – Но, в общем и целом, оно лишь частично отражает весь ужас ситуации. Дальше «Откровение» подманивает тульским пряником: дескать, отсидев срок от звонка до звонка, я выберусь из бездны, и полетят клочки по закоулочкам... но извините меня... ТЫСЯЧУ ЛЕТ в каталажке! И ни единого слова о качестве тюремной еды, возможности прогулок, продуктовых передач и встреч с родственниками. Райская тюрьма? Да это хуже, чем гестапо!

Получается, Небеса не оставляют мне другого выбора, кроме как действовать не вполне легально. Я собираюсь изменить правила игры.

Шулерство? Пожалуй. Угрызений совести я не испытываю. Во-первых, в принципе не могу, а во-вторых, есть суровая правда жизни. Даже бывалый игрок рискнет смухлевать, чтобы выиграть решающую партию в покер. Рай не признает *черновик*, но я-то своими глазами видел его копию. Есть только два пути выхода из ситуации, и я задействую оба. Первый – массированная реклама по ТВ, второй – некая секретная операция втайне от Небес. Ладно, давай отвлечемся на минуту. Что происходит на Земле после оживления *первого* кладбища?

– О, там такое шоу – Джордж Ромеро³ отдыхает, – всплеснул руками пиар-директор. – Миллиарды мертвецов поднялись из могил. Вот это я реально понимаю – Апокалипсис! Никто не въезжает, что происходит. Американцы с вертолетов мочат в Афгане талибов – а те через минуту воскресают, и все по новой. Неандертальцы сбиваются в группы, нападают на встречных толстяков, принимая за мамонтов. В Китае, Египте, Иране воскресли сразу ВСЕ древние захоронения – расступается земля, встают воины с копьями, знатные люди в доспехах, слуги, рабыни с кувшинами – ужас, короче. В Крыму раскопали скифские курганы, принцессы-мумии пошли по музеям – скандалить и забирать свое золото. Из океанов на пляжи выходят миллионы утопленников, всплыли «Титаник» и «Лузитания», тысячи обросших ракушками пиратских каравелл берут на abordаж пассажирские лайнеры с богатыми туристами. Под Москвой из оврагов выползли мертвые германские дивизии с танками, пулеметами, в полном боевом оснащении и только схватились с воскресшими частями красноармейцев, как на них волной налетели монголы Тохтамыша.

³ Культовый режиссер фильмов ужасов о восставших зомби – таких, как «Ночь живых трупов», «День мертвецов», «Дневники мертвецов».

Получилась игра «замри-умри-воскресни». Три часа с лишним без передышки сражались, пока разобрались, что к чему.

– Представляю, что творится у Бородино, – рассмеялся Дьявол. – Сто тысяч покойников, смертельно устав от взаимных убийств, мирно жарят шашлыки, превратив Бородинское поле в подобие кафе «У Багратиона». Очень хорошо, что мой тайный агент в окружении Иоанна сумел снять копии *черновика* «Откровения» перед финальной правкой. Благодаря ему мы узнали – предпоследняя фраза в «Апокалипсисе» была сначала изменена, а после – и вовсе вычеркнута напрочь. На Небесах обожают *подстраховываться*. Однако, введя в действие *ползучий* Апокалипсис, райские кущи застали меня врасплох. Все козыри у них на руках, и думаю, в данный момент мои акции на загробной бирже сильно теряют в цене. Главный объект в грядущей секретной операции – последняя *невеста*, чье появление предсказано черновой версией «Апокалипсиса». Девушка, успевшая выйти замуж, но не сумевшая провести брачную ночь с законным мужем, прежде чем ее забрала Смерть. Согласно *черновику*, она воскреснет на самом первом ожившем кладбище. В ней-то, родимой, и состоит наша спасительная загвоздка.

Пиар-директор замер с отвисшей челюстью.

– Вам надо ее трахнуть? – наугад предположил он.

– Мне? – удивился Дьявол. – *Невесту*? Я что, по-твоему, некрофил?

– Во многих фильмах по сюжету вы именно так и делаете, – осторожно ответил пиар-директор. – Взять хотя бы «Ребенка Розмари» или «Конец света». Я полагал, тут то же самое. А вообще – все мы теперь некрофилы, вольно или невольно. Сейчас же и не разберешь – живая телка либо мертвая. Снимешь вот так в баре, а под утро окажется, что она буквально вчера из земли выкопалась. Специфика Апокалипсиса. Секс с зомби больше не извращение, а будничная реальность.

– В своих предположениях ты недалек от истины, – щелкнул хвостом Дьявол. – Но не стоит сейчас это обсуждать. Все, что требуется, – вовремя использовать способности *невесты*. Не исключено, что Рай захочет нейтрализовать эту девушку, надеюсь, мы доберемся до нее раньше, чем ангелы. Очень важно, чтобы с *невестой* до воскресенья не произошло ничего плохого.

– Да что с ней случится, босс, – улыбнулся пиарщик. – Она же труп.

– С трупами свои сложности, – поправил его Дьявол. – Поэтому надо скорее доставить *невесту* ко мне. Когда она окажется здесь, можно перевести дух и мирно подумать – как нам реализовать ее разрушительную силу. В таких вопросах лучше не мелочиться. Я планирую отправить на операцию Агареса.

– Падший ангел, управляющий восточным сектором Ада? – поднял брови пиар-директор. – Тот самый, который ездит верхом на крокодиле, с ястребом в руке, а в его подчинении находится 31 легион – спецназ из отборнейших бесов? Да, видать, крутая девка – эта мертвая невеста. Но разве от Агареса будет толк? Он хорошо владеет магией, однако с первой же минуты Апокалипсиса способности демонических существ исчезают: они уже не могут летать, читать мысли или перемещаться во времени. Ангелам – и тем легче, с их правом на один акт белой магии в целях самозащиты без санкции с Небес.

– Засунь в задницу свои комментарии, – вызверился Дьявол. – Тебе-то что беспокоиться? Пиарщики себе хозяина всегда найдут, а вот мне без малого тысячу лет на нарах куковать. Чего там у нас по плану?

Пиар-директор полез в органайзер.

– Сначала встреча с голливудскими актерами, воплотившими образ Сатаны на большом экране, – сухо сообщил он. – Далее конференция представителей религиозных конфессий и мозговой штурм по рекламе.

– Прекрасно, – царапнул Дьявол когтем стол. – Пока ты свободен.

Проследив, как за пиар-директором закрылась дверь, Сатана выдвинул ящик стола, взяв в руки плоское, как лист, электронное приспособление с парой десятков сенсорных кнопок на панели. Каждый демон имел код срочного вызова, получив сигнал, он был обязан незамедлительно явиться к Дьяволу. Не прошло и четверти часа, как в прихожей послышались шаги, сопровождаемые скрипом когтей, и шлепки по полу крокодильего хвоста. На правах давнего фаворита Агарес не стал дожидаться приглашения: он вошел властно, не постучавшись. Двери услужливо раскрылись, пропустив высокого альбиноса с наглым лицом, обрамленным стильной бородкой в мексиканском стиле. Длинные и белые, как снег, волосы были схвачены сзади в узел – вроде «конского хвоста». Агарес являлся обычным демоном гуманоидного типа, каких в Аду работали тысячи. И хотя его анкета имела один существенный изъян, часто подвергавшийся критике недоброжелателей, Дьявол предпочитал закрывать на это глаза. Агарес относился к тем, кто служил не за страх, а за совесть.

Если, конечно, у демонов вообще была совесть.

– Садись, – предложил Дьявол. – Надо провести спецоперацию в Москве. Экипировка – согласно стандарту. Дело – сложное.

– Как всегда, – моргнув красными глазами, усмехнулся Агарес. – Хорошо, мне не привыкать. Но перед разговором придется привязать крокодила в приемной – он у меня чересчур любопытный.

Тщетные попытки крокодила отвязаться не увенчались успехом. Свернувшись вокруг ножки стола, он грустно задремал, приоткрыв один глаз. Из закрытого кабинета Дьявола доносился ровный гул голосов.

Глава III. Corpse Bride⁴ (День № 3 – среда, Москва)

По идее, если человек сначала умер, а потом воскрес – лишь от осознания одного этого факта у него обязана лопнуть голова. Я могу похвастаться своей выдержкой. После воскрешения не чувствую ничего. Ни удивления, ни шока, ни боли. Наверное, все перекрыла обида на судьбу. Умереть на своей же собственной свадьбе – верх глупости. По улицам сейчас шляется полным-полно живых трупов... но кому из бывших мертвецов такое расскажи, поднимут на смех: ситуация в стиле черной комедии. Подумать только, погибла по пути из ЗАГСа, когда ехала праздновать свое замужество в ресторан! Я уже не хочу ничего вспоминать, но события жестко прессуют мозг, проносясь через голову с бездушным стальным грохотом, как вереница поездов в метро. Слепляющая блеском узкая полоска стекла: осколок зеркала торчит из моего глаза. Лицо Олега, забрызганное моей кровью. Ужасный мрак, черной волной захлестнувший кабину. Слушайте, а когда меня похоронили? Вроде положено на третий день. Чертовски жаль, что я не увидела свои собственные похороны! С подросткового возраста об этом мечтала, и на тебе. Лет пятнадцать назад, во время самой жестокой депрессии (мальчик на дискотеке не пригласил), я обливалась горькими слезами, представляя, как наглотаюсь таблеток и буду лежать в гробу – мертвая и прекрасная. Все вокруг обрыдаются, заламывая руки, сожалея о том, что они наделали, и в первую очередь тот свинский мальчик. Я же воспарю вверх, в качестве невидимого, бледного ангела с прозрачными крыльями, безмолвно наслаждаясь всеобщей печалью и горестью. Обломилась мечта, получается. Самолюбие тешит, что денег на мои похороны явно не пожалели. Это заметно по макияжу, одежде и прическе – экипировали так, что хоть сейчас езжай обратно в ЗАГС. Меня сильно напрягает провал в памяти: я не помню ничего из событий, происходивших со мной после смерти. И ведь не я одна такая – аналогичная проблема волнует и других воскресших мертвецов. Некая сильно болтливая, но добрая старушка на кладбище – в шиньоне и старомодной кофте, из дореволюционных дворян, выдвинула версию: при Апокалипсисе у мертвых обнуляется *потусторонняя* память – из головы стираются Рай, Ад и Чистилище. Обидно, если так. Вот и гадай теперь: ела ли я райские яблочки, сидя под деревом в прозрачной рубашонке, или вертелась на скороводе, шипя, как венская колбаса? Ничего, на Страшном Суде все расскажут. Он должен начаться в воскресенье. Уже через три дня.

Говорят, там покажут человеку ВСЕ его грехи. Секс в подъезде с Олегом, получается, тоже увидят? Кошмар... да я второй раз умру – со стыда.

Проведя на кладбище сутки, я уж было решила, что не доберусь оттуда домой. На улицах – полный хаос. Мертвые и живые Москвы смешались, как винегрет. Зато обстановка намного спокойнее. Первые минуты, когда треснул асфальт, разверзлись парки, отхлынула речная вода и отовсюду начали подниматься бывшие трупы, – разразилась небывалая паника. Люди бежали толпами – кто куда, не разбирая дороги: рыдали женщины, кричали дети, лаяли собаки. Не хватало только рева динозавров с мамонтами, но они почему-то не воскресли, по совсем непонятной причине ожили только мертвые лошади – вместе с наполеоновской кавалерией и буденовцами. Но не прошло и часа, как крики и визг разбавил звон разбитых стекол. Часть граждан с природной коммерческой жилкой, не испугавшись шествия живых трупов, решила грамотно воспользоваться концом света. Первым делом «под раздачу» попали универсальные магазины, оставшиеся без продавцов. Довольный народ выбегал из супермаркетов, затаренный нарезками

⁴ «Труп невесты» (англ.) – мультфильм Тима Бертона.

семги, пивом, чипсами, – запомнилась очумевшая от счастья пожилая женщина, прижимающая к объемистой груди коробку с халявными прокладками.

Похоже, никто не верит, что конец света – это реальность. Я тоже.

Апокалипсис кажется неестественной и забавной вещью – мультяшным, волокнистым видением, туманящим разум после *косячка* с крепкой травой. Не верится, что нарядные люди на бульварах – ожившие мертвецы: ведь хоронят всегда в самом лучшем, даже старушки откладывают праздничную одежду «на похороны». Впрочем, есть исключения – по бульварам шагают, завернувшись в обгоревшие лохмотья, мастеровые из братских могил времен эпидемии, случившейся в конце XVIII века... проходили в школе про «чумной бунт»? Купцы и интеллигенция, расстрелянные чекистами на Лубянке, восстали в одном исподнем, жертвы немецких бомбардировок 41-го – и вовсе без него. Эйфория безнаказанного грабежа объединила и живых, и мертвых. Больше всех радуются революционные матросы с красными бантами, кричащие: «Отнять и поделить!» Отнимают и делят. Пустые медиамаркеты усыпаны осколками разбитых витрин – прохожие сноровисто выгрузили оттуда ЖК-телевизоры. Те, кому не *хватило*, в бессильной ярости поджигают разграбленные магазины – над Москвой ленивым зевом встает багровое зарево пожарищ. Город скалится остовами обугленных зданий, как Сталинград, оконные провалы давятся языками пламени, большая часть офисов и торговых центров сгорела дотла. С неба сыплются жирные хлопья серого пепла: на измазанных лицах людей, обнявших краденые ТВ, бешеным оскалом застыла радость. Ветер крутит по асфальту голубенькие *полтинники* из раскуроченных на куски банкоматов, более крупные купюры давно уже расхватили. Разграбили даже Центробанк на Октябрьской, охрана помочь не смогла – какой смысл стрелять в грабителей, если они не умирают?

Я с обреченностью стряхиваю с волос пепел и плетусь по горячему, оплавленному асфальту босиком – кремовые туфли остались на кладбище. Останавливается водитель, управляющий настолько убитым «жигуленком», что кажется – тачка воскресла из мертвых вместе с хозяином. Радужно предлагает подвезти. Я автоматически отвечаю ему – денег нет. Водила смеется во весь голос: а кому теперь нужны деньги? Он ошибается. Уже на следующий день, когда прошел первый шок, уцелевшие магазины заработали в полном объеме. Механически, как привыкли делать годами, многие хозяева даже цены повысили, вот прикол-то! Рассчитывают на наплыв клиентов из мертвецов – продают то, что удалось сберечь на складах. Непонятно, зачем. Потребность в еде у людей есть, но с голоду умереть уже нельзя. Вкуса пищи совсем не чувствуешь – только тлен, паутина, затхлость. Однако расчет оправдался – в покупателях недостатка нет. Наши люди так приучены. Война, экономический кризис, стихийное бедствие, Апокалипсис – надо бежать и запастись мылом, спичками, солью. Логика убойная – если с неба на днях спустится Христос, значит, это признак: из продажи скоро пропадет соль.

Сбежавшие гаишники втихую вернулись на посты, пытаюсь регулировать хаотичное уличное движение при погасших светофорах. Бедняги просто не знают, чем себя занять. Они-то уж точно не попадут в царство небесное – хоть весь лоб разбей в молитвах. Я вижу их лица через мутное стекло «жигуленка». Растерянные, злые, стоят, трясут жезлами, а остановить машину боятся – не говоря уж о том, чтобы денег попросить. Опытный водитель ехал дворами: от Химок до Тушина Москва встала в жесточайших пробках. Автомобильное движение отныне – фикция: большинство мертвецов в глаза не видели машин и не знают, что по шоссе нельзя ходить. Автокатастроф больше никто не боится. Подумаешь, в тебя врежутся: умереть-то все равно нельзя. Троллейбусы и автобусы брошены поперек трассы, напоминая музейные скелеты диких зверей: пустые, мертвые, без единого пассажира. Около метро «Отрадное» группа укуренных в хлам панков, обступив парочку бородатых витязей времен Долгорукого, с конским ржаньем предлагает *бухнуть*. Витязи не отказываются... они же русские.

Машина тормозит у моего подъезда. Я благодарю водителя – по дороге, как водится, разговорились – он не мертвец, как я, а из ж и в ы х. Узнав, что я мертвая, смотрит с опаской:

кто знает, чего ожидать от зомби? Очень расстроен, говорит, не знает, как ему *существовать* дальше. Сказать слово «жить» уже боится. Это верно. Трудно обрисовать событие как вполне жизненное, если только что ты, из доброты душевной, подвез на своем автомобиле труп. Я рассыпаюсь в благодарностях и хлопаю дверцей машины, водитель хмуро трогается с места. У подъезда едва ли не драка: спорят монгольский воин, трясая лисьими хвостами на грязной шапке, и молоденький польский гусар. Я внезапно ловлю себя на мысли, что понимаю их разговор... и останавливаюсь в ужасе от догадки. Вот это да. Получается, проклятия Вавилонской башни⁵ больше нет – и мертвые, и живые представители человечества отныне говорят на одном языке, совсем как в библейские времена.

Апокалипсис только начался, но уже полностью уничтожил профессию переводчиков. Тыкая невпопад, набираю цифры на кодовом замке. Монгол угрюмо замолкает. Поляк галантно снимает стальной шлем и кланяется. Джентльмен, блин. А то я не знаю, кто Москву сжег.

На этаже меня ждет неприятный сюрприз. Я звоню в дверь, вдавливая палец в кнопку звонка, но в квартире – ни души. На всякий случай обшариваю платые – естественно, нет и намек на наличие ключей. Я все же чокнутая. Так и представляю себе придурка: целует покойницу и кладет ей в гроб ключи – не забывай меня, родимая, загляни ночью попить чайку с вареньем. Впадаю в отчаяние и начинаю стучать в дверь: да чего там стучать, открыто ломиться. Сначала одним, потом сразу обоими кулаками молочу изо всех сил, с отчаянием упершись в обшивку двери лбом. Кожа покрывается испариной. «Мертвые не потеют» подмечено в одном фильме. Сразу видно – это сказал живой мудак, не видевший воскресших мертвецов.

– Олег! Открой, это я, Света! – ору я, как сумасшедшая, на весь подъезд.

Ни единого звука в ответ – только тишина: мертвая, как и я сама. Сажусь на холодные ступеньки, утирая слезы с перепачканного пеплом лица, соображаю – что делать дальше. Вот дура-то дохлая! Не догадалась – надо было стрелнуть у водителя мобильник и позвонить Олегу. Ясно одно – дома его нет. Будет ли – неизвестно. Может, он уже вообще тут не живет. Ехать к маме в Питер? А на чем? Сюда-то еле добралась: неизвестно, ходит в ту сторону какой-либо транспорт или нет. Реву и параллельно удивляюсь – конец света изначально представлялся мне несколько другим. Я думала, это масштабный кризис наподобие ядерной войны, когда вся Земля превращается в выжженную пустыню. Но паника улеглась быстро – открыты магазины (их немного, но все-таки), работают рестораны. Даже на щитах кинотеатра «Байконур», кажется, мигала реклама новой комедии: на «фильму» валом валят казаки, нукеры Бату-хана и пьяные гимназистки, убитые шальными пулями в семнадцатом году. Думается, если бы я не умерла, то и сама бы вышла на работу: устраивать никому не нужные презентации и проводить брифинги. По идее, Апокалипсис должен отменить бабло. Но ничего подобного – магазины торгуют: рубли, правда, не берут, только доллары и евро... их что, принимают к оплате на Страшном Суде?

Ладно, какое мне до них дело? У меня свои проблемы. Посижу на лестнице пару часов – подожду Олега. Если не появится – неподалеку живет моя школьная подруга. Учтывая вариант, что и она может исчезнуть в уличном хаосе, прикорну на лавочке у подъезда. Или поеду на какой-нибудь вокзал.

Хоть я и труп, но надо же мне где-то спать.

⁵ Согласно библейской легенде, люди в Вавилоне стали строить башню, чтобы добраться до Бога. Тот в ответ смешал их языки – строители перестали понимать друг друга, и воздвижение башни было приостановлено.

Глава IV. Забытая гробница (Ближе к вечеру – Турция, Стамбул)

Бодрый дедушка в чалме, с трудом удерживая на старческих коленях сразу двух прекрасных дамочек, закутанных в черные шиитские покрывала, красиво читал им нараспев, рассказываясь и пощелкивая пальцами:

Говорят нам муллы – вот на Страшном Суде
Как живете вы – так и воскреснете-де.
Я с подругой и с чашей вина неразлучен –
Чтобы так и воскреснуть на Страшном Суде.

Девушки смеялись, аплодировали и не очень-то возражали, когда старичок игриво касался их бедер, пробегая по ним ладонями, как при игре на гитаре.

«Офигеть можно, – тихо восхитился Кар. – Это же сам Омар Хайям! Да уж кого теперь только не встретишь. Но почему он в Турции – могила ведь в Нишапуре? А, понятно. В Иране просто так не найдешь вина, даже после Апокалипсиса. К туркам умные персияне еще при Хомейни ездили квасить. Подойти автограф попросить? Эх, надо бы, но, увы, – не время сейчас».

Он мелодично свистнул, подзывая официанта. Тот даже не обернулся: вытянул руку лопаточкой, показывая пренебрежительным жестом, дескать, подожди, сейчас подойду. Других клиентов, кроме Хайяма с девушками и Кара с *незнакомцем*, в кафе на набережной не было, однако официант не желал отрываться от игры в нарды с коллегой – столь же усатым и толстым.

«Собака такая, – закипая, подумал Кар. – Встать, что ли, и въехать ему в тыкву? Распустил их Апокалипсис. Раньше бы в лепешку расшибся, а теперь хлебало воротит. И чего-то они даже не волнуются особо: сонное царство. Понимаю – Страшным Судом столько раз пугали, что народ его уже воспринимает как наезд налоговой инспекции. Вроде бы полная задница, однако в то же время всегда можно договориться. В Турции вообще хитрожопые ребята, сумеют при желании надуть любого – хоть на Земле, хоть на Небе. Например, мусульманам нельзя употреблять алкоголь. Тут это никого не смущает: ставят на стол стакан анисовой ракии и капают туда водичкой: водка становится молочного цвета. Объяснение – Аллах, глядя с небес, примет ракию за молоко и не разгневается. Потрясающе гениально».

Официант наконец-то изъясил милость: подошел вразвалочку, угреватое лицо выражало желание лечь и уснуть за столиком клиента. Заказав кальян и яблочный чай в маленьких стаканчиках, смахивающих скорее на рюмки, Кар обратил вежливую улыбку к незнакомцу. Он обращался с ним бережно – словно с невинной девушкой, впервые приглашенной на любовное свидание. Ведь от его согласия зависело много. Пожалуй, даже СЛИШКОМ МНОГО.

– Что-нибудь еще? – любезно спросил Кар, не отпуская официанта.

Его собеседник – низкорослый, облысевший мужчина средних лет вяло дернул подбородком: вероятно, это означало отказ. Джинсы и рубашка, купленные на барахолке за углом, смотрелись на его фигуре столь же удачно, как пиджак на верблюде. К затянутому на поясе ремню из коровьей кожи был пристегнут небольшой мешочек, издающий сильный травяной запах. Больше всего Кара поражала кожа на холемом лице незнакомца – она была не то чтобы бледной, а натурального *молочного* цвета, будто отмытая стиральным порошком в купе с отбеливателем, попросту сверкала белизной.

Разговор не клеился. Официант, засыпая на ходу, принес два стеклянных стаканчика с чаем и, уморительно фыркая, как морж, разжег угли для кальяна. Запах фруктового табака

оживил незнакомца: в смесь был добавлен гашиш. Закусив зубами мундштук, он вдохнул – вода в кальяне смешалась с мутной завесой. Глаза *белолицего* потеплели, наливаясь блеском смысла.

– Как ты нашел меня? – выдохнул сладкий дым незнакомец.

– О, разве можно сейчас сохранить секрет? – ответно пробулькал кальяном Кар. – Археологи наткнулись на твою гробницу достаточно давно. Собственно, они раскапывали одно очень старое кладбище у горы и вдруг случайно обнаружили этот склеп – огромное помещение с трехметровым потолком. Войдя внутрь, ученые застали весьма нехарактерную сцену. Зрелище повергло их в шок – сразу же разгорелись горячие споры между специалистами-историками, кто конкретно там похоронен. Твое имя поначалу не называлось. Извини, конечно, но в современном мире ты считаешься ээээ... полумифическим персонажем. Однако состояние большинства предметов в гробнице, в том числе и ложа, на котором ты покоился, а также странных следов на двери, заставило их утвердиться во мнении, что они обнаружили именно твое тело. Я читал впоследствии в газете, что человека, запертого в склепе, фактически похоронили...

– Хватит, – недовольно прервал его *белокожий*.

– Как пожелаешь, – покорно откликнулся Кар, пропуская дым через нос. – В общем, мумию сначала длительное время изучали в лабораториях, а затем отдали в музей. Можешь не спрашивать меня – лично я считаю, что это кощунство. Прах мертвых должен покоиться с миром, а не выставляться на обозрение досужих зевак. Когда я убедился в твоём реальном существовании, у меня созрела мысль обратиться к тебе по поводу **нашей проблемы**. Я приехал в Анкару вчера, поиск мумии в музее ничего не дал – я увидел лишь, что стекло разбито, а сторожа разбежались. Попытка найти тебя в гробнице также не имела успеха. Наконец я сообразил... конечно, ты пошел на то самое место, где раньше располагался твой город. Там мы и встретились – среди запустения и безлюдных песков. Спасибо, что выслушал мою историю и не отказался приехать на переговоры в Стамбул. Я приношу глубокие извинения за свой непочтительный вопрос, но меня крайне интересует... после воскрешения обрел ли вновь ты свою прежнюю силу? Если верить легенде, ты отказался от нее – причем добровольно. Хотя, как я уже заметил раньше, обстановка в гробнице показывает совсем другое...

В мертвых глазах незнакомца мелькнуло тусклое любопытство.

– Обо мне складывали легенды? – прошелестел он. – Какие именно?

Не делая передышки, Кар обстоятельно ответил на этот вопрос. Он говорил долго – двадцать минут, а возможно, и больше. Пересказывал, как мог, страницы толстой книги, вдоль и поперек изученной в библиотеке. Увлечшись под конец, он активно жестикулировал, как бы иллюстрируя наиболее яркие фрагменты из повествования античного летописца. Чем больше слов произносил Кар, тем сильнее сжимались челюсти *белолицего* и суровее хмурились его брови. К финалу повествования он погрузился в меланхолию, переполнившись черной мрачностью – хуже любой из грозowych туч. Осмысливая рассказ, незнакомец выдержал приличную паузу и только после этого открыл рот. Каждое предложение давалось ему с величайшим трудом, но Кар, замерев, слушал, боясь пропустить даже слово. Фразы убаюкивали, втекая в уши податливым воском. Кару пригрезился величественный город на месте пустыни, от его богатства сохранились лишь фундаменты колонн, занесенных слоем песка. Он увидел роскошные пиры, где на шелковых подушках возлежали самые сильные боги, а на огромных кострах жарили тучных быков. Сладчайшее вино протекало через залы в виде искусственной реки, дабы пирующие могли зачерпнуть живительную влагу глубокими чашами. Он отметил целые полчища зловещих *дэви*, шуршавших темными крыльями, и потрясающее золотое блюдо окружностью в целую комнату, через его края, словно струйки варенья от сладкого пирога, переливалась загустевшая кровь, а на дне грудой лежали вырванные сердца рабов. Кар прошел по комнатам, полным небывалого великолепия, знатного могущества и изящных статуй, услышал звон щитов грозной стражи и возбуждающий стук браслетов на стройных ногах юных

танцовщиц из гарема. А когда незнакомец закончил свое захватывающее повествование, он без лишних слов, одним жестом просто и ясно *доказал* Кару существование своей силы: все свершилось перед ним в мгновение ока. Причины для сомнений тут же отпали. Грудь захлестнула кипящая радость.

Супер. Превосходно. Он не ошибся.

– Я с самого начала не сомневался в тебе, – признался Кар, ерзя на стуле от восторга. – Именно поэтому и приехал сюда. Прошу тебя со смирением, припадая к земле у твоих ног, подумай о моем предложении. Я понимаю, в деньгах ты не заинтересован, и поэтому теряюсь в догадках. Назови мне то, что я могу предложить взамен за твою помощь. И это будет исполнено.

Наступило время вечерней молитвы, но все шесть минаретов Голубой мечети скорбно молчали – у муллы пропал полностью голос. Позавчера к нему явились помолиться воскресшие янычары вместе с покойным халифом Абдул-Хамидом, напялившим реквизированную одежду американского туриста. Джинсы на три размера больше, зеркальные очки и золотую цепь со знаком \$ мулла сумел пережить, однако вскоре нагрянули легионеры с римским орлом на штандарте, а за ними, оседлав трехколесный велосипед, – византийский император Михаил Палеолог, вкушая из банки кока-колу.

Кар затаил дыхание, ожидая ответа. Уникальная сила этого человека была безраздельна, и даже у Апокалипсиса не вышло придать ей подобие слабости. Он не мог заставить сделать его что-то против воли. Только униженно просить. Испытывая нервное возбуждение, Кар сглотнул: кадык на шее дернулся вверх-вниз. Незнакомец не отрывал мертвого взгляда от каменного пирса, наблюдая, как о выступ разбиваются морские волны.

– Я вот думаю, – спокойно произнес он, – вам ведь это очень нужно?

– Очень, – с редкой откровенностью подтвердил Кар, и пластмассовый мундштук кальяна треснул в его зубах. – Это вопрос жизни и смерти.

Официант, пересилив себя, вновь сделал одолжение – поставил на стол засохшую халву. Есть ее вряд ли смогли бы даже ожившие мертвецы.

– Какой скучный мир... – отодвинув угасший кальян, прошелестел *белолицый*. – Я пребываю в нем всего-то два дня, но мне уже хочется забраться обратно под землю. В чем смысл ваших искусственных радостей? Вы кислы, как похлебка из дикого щавеля. Да, мы не знали, что такое самоездные колесницы, черные сундуки с движущейся картинкой, и не употребляли палочек, испускающих дым. Но наша жизнь была весела и разнообразна. Вы же заменили сладость женского тела надувными рабынями. Сделали пиво безалкогольным. Удаляете волосы на теле – наш признак храбрости. Я счастлив, что ваш мир гибнет. Он слишком фальшив, чтобы существовать.

Мужчина наконец-то перевел взгляд на лысый череп Кара. Карие глаза были абсолютно пустыми, они не содержали ничего. Ни гнева, ни возмущения, ни других, свойственных обычному человеку, эмоций.

– Я же вижу – тебе здесь скучно, – перехватил инициативу Кар. – То, что я предлагаю, это не работа, ни в коем случае, такие вещи недостойны твоего уровня и положения. Развлечение, всего лишь развлечение. Охота, как на газелей. Твоя сила остается в действии до первого дня Страшного Суда, уже в это воскресенье ты навсегда потеряешь ее. Тогда торопись успеть в последний раз ощутить вкус погони, запах пота загнанной жертвы, ее ужас и страх. Скучать не придется – я гарантирую. Готов биться об заклад: вскоре после начала охоты тебя самого одолеет смесь восторга и азарта. Те же самые чувства, что ты испытывал в своем городе, хотя и не успел насытиться ими сполна. Апокалипсис дает второй шанс. И я советую – не упускай его.

Незнакомец неожиданно улыбнулся – на белоснежных щеках появились девичьи ямочки. Через мгновение улыбка трансформировалась в хохот.

– Приятно наблюдать, с каким трепетом ожидается мое решение, – смеясь, произнес *белокожий*. – И как замечательно, что у тебя нет способности читать мысли. Ты еще только начал говорить – а я уже был на все согласен.

И верно... что еще мне остается на этой неделе, кроме как наслаждаться охотой? Я воскрес, но, по сути, все так же мертв. Надо рискнуть получить давнее удовольствие. Ты хочешь, чтобы я остановил эту женщину? Она даже не пикнет. Покажи мне ее лицо. Найди ее дом. Остальное я сделаю сам.

Кар расслабленно выплюнул трубку кальяна.

– По рукам, – подвел он итог. – Ты готов пуститься в дорогу? Я попрошу моего друга прислать волшебную птицу, сделанную из железа. В этот же день на ее крыльях мы достигнем города на севере, где тебя ждет охота.

– Ты сказал – *по рукам*? – почти беззвучно переспросил собеседник.

Кар дернулся назад, едва не свалившись со стула. Незнакомец громко рыгнул, насладившись реакцией на шутку. Официант с тревогой всматривался в их сторону, сонливость исчезла, уступив место смятению.

Кар набрал по сотовому знакомый номер. Связь барахлила, но работала.

– Ферри? Салют, дружище. Надеюсь, самолет готов? Отправляй его в Стамбул прямо сейчас. Да, *он* согласен. Поэтому, пожалуйста, поторопись.

Белокожий окинул мобильник неприязненным взглядом.

– Колдовство, – злобно сказал он, отстранившись.

– Да нет, – рассмеялся Кар. – Просто давным-давно изобрели средство, чтобы голос человека передавался по проводам... ну а тут вот батарейка и еще...

И осекся, увидев ледяные глаза незнакомца.

– Ты прав, – немедленно подтвердил Кар. – Это колдовство.

Он бросил на стол смятую красную бумажку с портретом Ататюрка⁶.

– Железная птица будет часа через четыре, до этого времени мы свободны. Разреши один вопрос. Ты поменял всю одежду на современный наряд, но при этом не отказался от этого странного мешочка. Может, выбросим его? Он так остро пахнет, что жутко свербит в носу: мне постоянно хочется чихать.

– Нет, – спокойно отказался незнакомец. – Он может пригодиться.

– Ладно, – легко согласился Кар. – А теперь пошли, здесь за углом работает галантерейная лавка. В целях безопасности тебе надо *кое-что* купить...

Посетители ушли: официант, забыв о вальяжности, бросился к столику, и вовсе не за тем, чтобы забрать оставленные деньги. Увиденное вблизи привело его в состояние шока. Он быстро оглянулся назад. Аллах благоволил к нему – партнер по нардам был занят раскуриванием *наргиле*⁷, поэтому проблема решила сама собой. Поправив вздувшийся карман, официант моментально убрал столик, смахнув оттуда даже микроскопические крошки.

Отличные клиенты, хвала Всевышнему. Побольше бы таких...

Отступление № 2 – Бог/Хальмгар

Стеклянная комната позади Главной резиденции имела сразу два негласных названия. Первое из них – «курилка», хотя, разумеется, серафимы не предавались пагубному употреблению табака – курение на Небесах воспрещалось столь же строго, как на рейсах «Аэрофлота». Второе слово

⁶ Ататюрк (отец турок – тур.) – основатель Турецкой Республики, изображен на всех ее деньгах. Здесь имеется в виду купюра 10 турецких лир

⁷ Кальян (тур.).

«аквариум», и против него трудно было возразить. Ангелы действительно как бы плавали в тесном пространстве, еле шевеля крыльями, словно плавниками, проводя в ожидании вызовов к начальству долговременные дружеские беседы. Сгрудившись на узком «пяточке», серафимы, наступая друг другу на крылья, поминутно извинялись и жевали мятные конфеты. Каждый считал своим неременным долгом пожать руки семерым ангелам Апокалипсиса, бледным от гордости и осознания исторической важности выполненной задачи. С минуты на минуту «великолепную семерку» намеревался чествовать сам Бог-отец, и этого момента ждали все собравшиеся в «аквариуме». Голоса звучно гудели, как пчелиный рой.

– Сработано просто потрясающе! – разрывалась от восторга миловидная брюнетка, вращая коротко подстриженными крылышками на манер двух вентиляторов. – Чего уж греха таить: ФСБ и ЦРУвам и в подкрылки не годятся. Меня и раньше не покидала уверенность в способностях *Службы особых поручений Господних*, но не могу удержаться, хочется завизжать – «БРАВО!». Вашему отряду удалось в обстановке полной секретности снять печати, и вострубить, и вылить чаши. Не только на Земле, в первое время и в Аду никто не сделал выводов о грядущем конце света. Люди и черты поставлены перед фактом: им уже не отвертеться. Вне сомнений, Господь вознаградит вас!

Первый ангел Апокалипсиса, держа в одной руке блестящую серебряную трубу, а в другой – чашу с римской цифрой I, автоматически положил в рот мятную конфету, предаваясь невеселым размышлениям.

«Ага, наградят просто супер, – уныло думал он. – Это вам, херувимам, хорошо – за успешное поражение стрелой выдают набор какао. А мы в *Службе особых поручений* априори бессребреники, премий никаких не положено. Премиируют килограммом райских яблочек, да и те – кислые. Наслаждение вкусом по правилам Рая считается запретным – это же чревоугодие, один из семи главных смертных грехов. И если на поведение небесных существ низшей инстанции могут посмотреть сквозь пальцы, то ангелы Апокалипсиса, прошедшие конкурсный отбор, должны идеально соответствовать всем классическим канонам Небес».

Он натянуто улыбнулся брюнетке-херувиму, подписывая автограф на подставленном крыле. Раздался тонкий звон бокалов с красным вином.

– Однако же, – заметил толстущий серафим, явно не видящий собственных сандалий из-за нависшего сверху огромного живота, – удалась и визуальная составляющая. Меня не покидало ощущение, что я присутствую на премьере греховного блокбастера Спилберга. Так и вижу лица туристов: когда в Доме Инвалидов упала крышка и Наполеон, придерживая саблю, начал вылезать из усыпальницы! Правда, нашлись и те, кто стал снимать происходящее на мобилы и спрашивать Бонапарта – какая фирма проводит рекламную акцию?

– Вот за это и не люблю мобилы, – ответил ему другой ангел, подкидывая на ладони чашу с номером V. – Недаром один восточный епископ объявил сотовый «диавольским изобретением». В чем-то он прав. Когда мобильник глючит, сразу понимаешь – сатанинская вещь. А уж как по ней разводят... если я в командировке на Земле, стабильно сыплются sms – «положи ко мне на номер 40 рублей». Их точно шлет сам Дьявол.

Толстяк мягко колыхнул брюхом в беззвучном смехе.

– Дальше было еще интереснее, – с азартом повествовал он. – Двадцать минут назад в нашей корпоративной сети выложили гурманскую подборку подобных любительских роликов, заснятых либо очевидцами на мобильы, либо камерами наблюдения. Я смотрел и наслаждался. Саддам ворвался в кабинет Буша с веревкой на шее – мордобой продолжался до утра. Воскресшие заговорщики под руководством Брута опять напали на Цезаря и восемь раз резали его на «бис». Маяковский, Блок и Есенин, не успев толком восстать из мертвых, схватились в дискуссии по поводу стихоплетства. Как водится у поэтов, вскоре все закончилось водкой, падшими женщинами, звонками на кладбища Лиле Брик и Айседоре Дункан. Ну, а под конец – поножовщиной. Если кому интересно, я сохранил на флэшке: из сети стерли, посчитали вирусной рекламой Апокалипсиса в бекмамбетовском стиле. Праведный Ной временно благословил на просмотр CNN – после церемонии чествования непременно включите. Не могу оторваться от телевизора – столько вскрылось исторических тайн! Распутин, раскопавшись из кострища⁸, дал отпадное интервью по телемосту Ларри Кингу. Естественно, взорвал эфир сенсацией: рассказал, что в реальности был импотентом, а все слухи про молитвы с девушками в бане – клевета церкви. Хотя саму баню поддерживает по причине любви к чистоте.

Умильно улыбаясь, серафим развел крыльями, так, как будто в горячем припадке благодарности собрался обнять всех семерых.

– Не скромничайте, ребята. Шоу удалось на славу.

– Не скажи, – хмуро ответил ангел, бережно протирая чашу номер II. – Лично я разочарован реакцией народов на Апокалипсис. У них полностью отсутствует страх. Почему, как предписано в «Откровении», люди не обращают лица к кроваво-красному небу, не хулят Бога, не поклоняются Зверю... а вообще, в какую глушь запихнули этого самого Зверя? Царствует сплошной пофигизм вкупе с легкой депрессией, как будто наступил не конец света, а просто объявили прогноз плохой погоды. Я был в числе тех, кто на Совете Серафимов выступал за реализацию жесткого варианта «Откровения» в полном соответствии с оригинальным текстом. Мы на Небесах изнежились, отвыкли от глобальных потрясений в виде потопа: нам показалось несправедным подвергать мучениям и гибели сотни миллионов людей. Напрасно. Какая разница, умершие все равно к Страшному Суду воскреснут.

– Очевидно, Совет Серафимов учел мнение автора «Откровения», – пожалала крыльями брюнетка-херувимчик. – Апостол Иоанн – один из главных сторонников проекта «Апокалипсис-лайт». Он дал официальное согласие на редактуру сценария, согласился на введение смягчающих корректив. И даже подписал особую бумагу, дающую праведному Ною полную свободу творческих действий. Римейк Апокалипсиса был неизбежен... и разве это плохо – внести в древний вариант светопреставления струю свежей мысли? Дохристианская Иудея и общество, знакомое с нанотехнологиями, – две существенные разницы. Кроме того, давайте признаем: у большинства народов Апокалипсис однообразен до оскомины. Для примера возьмем любой попавшийся... ну, скажем, *Рагнарек* викингов. Ужасная кислятина

⁸ В 1917 году во время революции склеп Распутина был разгромлен возмущенной толпой, а тело в гробу сожжено на импровизированном костре.

– при первых же строчках челюсти сводит. Волк Фенрир съедает солнце, планету окутывает тьма, море выходит из берегов, и оттуда выплывает змей Иормунганд, который обеспечивает большой бэмс. Происходит мощная битва между богами, мир сжигают огненным мечом, а после он возрождается вновь из пепла. Далее, берем цивилизацию майя – их конец света обещан на 21 декабря 2012 года. По версии майя, сначала природа создала для управления Землей диковинных животных. Они погибли от наводнения. Потом появились глиняные големы. Их сожгло глобальным пожаром. Затем образовались люди-обезьяны, и их ждала экзотическая смерть – этих существ пожрали собственные вещи (!) и домашние животные – какая-то чума в стиле Клайва Баркера⁹. И лишь затем на земле возникло человечество. Между каждым циклом проходит 5200 лет, и каждый раз Землю населяет новая раса. Признаки *Йаум аль-Кийама*, Апокалипсиса в исламском варианте, в канун конца света обещают жестокие эпидемии, появление дара речи у зверей, расцветание садов в Аравийской пустыне и распад Солнца. Вот скажите, никому еще не надоело? Каждый раз, начиная с Древнего Египта, одно и то же, никакой фантазии – гаснет солнце, планету накрывают эпидемии страшных болезней, из моря лезут чудовища. Конец света – это не раздача пряников. Но мы в XXI веке, когда хочется разнообразия. Так что в проекте «Апокалипсис-лайт» имеется существенный плюс. Хотя отдельные изменения и я не вполне понимаю. Например, почему Страшный Суд должен проходить в Москве? Голова кругом идет.

– Ты ошибаешься, Латери, – деликатно зашелестел перьями толстяк. – У тебя все Иерусалим да Иерусалим, ни одной московской командировки.

Москва – это, можно сказать, современный Вавилон, крупнейший мегаполис, умудрившийся вместить в себя миллион разновидностей порока. Ты знаешь, например, сколько в этом городе стрип-клубов?

– Господи, помилуй, – перекрестилась Латери. – А что, в древнем Вавилоне тоже были стрип-клубы? В принципе меня это не удивляет. От таких личностей, как Навуходоносор¹⁰, всего можно ожидать...

– Да нет, – с досадой махнул крылом толстый серафим. – Вавилон – это иносказательно. Для Страшного Суда требовался город, вконец разложенный роскошью и баблом, ценами, завышенными до полного идиотизма, до краев переполненный янтарным жиром нуворишей и джипами «хаммер». Москва подходит по всем параметрам. Ты слыхала песню «Раммштайн»? *Moskau schlaeft mit mir – doch nur fuer Geld*¹¹. Чистая правда. Пройдись там ночью, тебе откроется бездна порока. Игорные заведения, терзающие плоть иглами соблазна: казино, однорукие бандиты... *пушеры*, толкающие экстази, проститутки больше, чем на оргиях Калигулы. Шикарная задумка: мы слили в одно корыто грехи Лас-Вегаса, античного Рима и современного Бангкока. Общеизвестно, что Вавилон должен рухнуть в крови и пламени, холмы сравняются с землей, а на его место сойдут с облаков золотые стены Небесного Иерусалима. С обрушением решили повременить: Небесам и так придется ломать голову, где разместить шестьдесят пять миллиардов мертвых душ,

⁹ Известный автор «ужастиков», включая «Восставший из ада».

¹⁰ Имеется в виду Навуходоносор II, царь Вавилона в 605–562 годы до н.э. Сжег Иерусалим, в Библии считается олицетворением ужаса, процветания, жестокости и роскоши. Вавилон при нем стал богатейшим городом.

¹¹ «Москва спит со мной, но только за деньги» (нем.).

включая таких буйных грешников, как орды Чингисхана, дивизии СС и испанская инквизиция. Москва выбрана неспроста – если этот город выдержал нашествие английских фанатов на матч «Челси» с «Манчестер Юнайтед», то ему и Страшный Суд по зубам. Секретариат Господа и Совет Серафимов выпустили коммюнике: уже этим вечером в Москве появятся КПП ангелов. Ангельский спецназ начнет принудительную доставку в белокаменную тех грешников, каковые не желают явиться на Страшный Суд добровольно. Да-с, коллеги. Отпусков не будет – всем нам предстоят горячие деньки.

Второй ангел нехотя поставил еще три автографа. Он убрал непокорные волосы со лба – в жесте сквозило раздражение божественной звезды, давно утомленной никчемностью безликой толпы фанатов.

– Я не возражаю против Москвы, – заметил он. – Ее сейчас и верно не отличишь от Вавилона. На одни кредиты сколько народу подсело – вавилонские ростовщики подошли бы от зависти. Рестораны говно: внимание уделяется не кухне, а интерьеру. Люди с зарплатой в 5000 у.е. стонут, как плохо и бедно они живут. Дурацкий Вавилон. Но как насчет всего остального? Я хочу увидеть соответствие тому, ради чего я работал. Где толпы кающихся грешников? Где залитые слезами женщины, рвущие на себе одежды? Где ужас на лицах людей? Нечто подобное наблюдалось лишь в первый день, когда всех перепугали вскрытые могилы. Но сейчас-то? Я только что пролетал с инспекцией по Старому Арбату. Знаете, что я там увидел? Стоят полуголые девицы, олицетворяя сосуды греха, и раздают флаеры на ночное party «Апокалипсис Welcome» в клубе «Метелица». Девушки без лифчика проходят бесплатно. Засмотрелся, чуть в фонарный столб не врезался. Столпотворение у несгоревших магазинов – думаю, может, все иконы покупают? Заглянул. Нет, просят отпустить водочки в кредит и обещают отдать после Страшного Суда. Вернулся, включил новости, и первый же сюжет: в КНДР Ким Чен Ир официально заявил, что конец света не состоится, поскольку он такого распоряжения не отдавал. Почему никто не проводит ночей в неустанных молитвах? Напротив, самый модный слоган сейчас – «Успей согрешить», а самые лихие вечеринки – party с групповым сексом без обязательств. Конфессии передрались окончательно. Католики, православные, протестанты, мусульмане с буддистами, даже Свидетели Иеговы примазались – хором заявляют, что при конце света спасутся они одни. Ну не круто ли? В воскресенье грянет Страшный Суд, а они продолжают пиариться.

Третий ангел, сложив на груди руки, давился смехом – пухлые, как у ребенка, губы, кривились в усмешке на худом веснушчатом лице.

– Это нормально, Эвхам, – заявил он авторитетным тоном. – Последние сто лет людям объясняли со всех научных точек зрения, что Бога нет. Поэтому большинство не восприняли Апокалипсис серьезно. Они сидят и ждут, пока ТВ им все объяснит: мертвецы вылезли из гробов вследствие мутации спор растений или секретных биологических экспериментов. Людям свойственно верить, что в последний момент все обойдется, поэтому те, кого ведут на расстрел, не бросаются на палачей. О чем ты говоришь, если, согласно опросам, треть всех священников не верит в существование Бога! Я – за «Апокалипсис-лайт». Гнев Божий избирателен, а ты предлагаешь травить их всех поголовно, как тараканов. Перехлестов много, это так. Только что в подворотне на Пушкинской пара кавказцев мне предложила за 10 тысяч евро пропуск в Рай, сделанный на цветном ксероксе. Но, может, они еще

прочухаются. Про Апокалипсис твердили две тысячи лет, а он все не приходил. Теперь же, после наступления конца света, многие уверены – это лишь шутка.

Эвхам замялся. Возражать Хальмгару на публике – бесполезное занятие. Веснушчатый блондин – давний фаворит Господа, участвовавший в организации кассовых чудес, включая выживание трех отроков в печи огненной¹². Как поговаривали в Раю, именно он возглавит Генштаб небесной армии в финальном сражении архангела Михаила с Сатаной. Выглядит – вылитый наемник: кожа на лице сожжена суринамским загаром, рукава хитона засучены, не хватает только «калашникова» на шее. Но не отмалчиваться же? В конце концов, у него долгий статус работы в *Службе поручений Господних* и...

Его мысли прервал резкий и властный голос.

– Хальмгар! – громко прозвучало снаружи «аквариума». – Ты где?

Серафимы суматошно захлопали крыльями, ветер поднял в воздух вихрь из мелких перьев. Личный секретарь Бога-отца праведник Ной был известен каждому херувиму на Небесах: его портреты в служебных кабинетах располагались чуть ниже изображений святой троицы. Ни один документ не попадал к престолу Божьему, минуя праведника, – престарелый Ной, сурово закусив бороду, скрупулезно читал все, даже молитвы перед сном трехлетних детей. В ангельских кругах праведника звали Борманом – разумеется, за глаза. Ной направлялся прямо к Хальмгару – остальные ангелы на всякий случай отодвинулись от него.

– Общая встреча и фуршет отменяются, – мрачно сказал Ной и похозяйски взял ангела за мягкое крыло. – Господь примет тебя одного. Тет-а-тет. Без свидетелей. Даже МНЕ велено находиться за дверью.

Последнее было произнесено со скорбью и глубоким расстройством: Борман не любил пропускать ключевые события в Раю.

– А остальные шестеро? – удивился Хальмгар. – Они разве не пойдут?

– Естественно, – сурово ответил Ной. – Рискнешь заставить Его ждать?

Хальмгар предсказуемо не рискнул, оба покинули «аквариум».

Огорошенные серафимы некоторое время помолчали, жуя конфеты.

– Однако, – негромко промолвила херувим Латери. – Видать, что-то серьезное... может, напортачил Хальмгар с третьей чашей: кровь получилась не того цвета или река превратилась в гранатовый сок? У Бога-отца настоящий японский подход к работе: он не любит, когда ее делают спустя рукава, и не прощает даже малейших промахов...

Беседу никто не поддержал, сделав деловой вид, толпа крылатых созданий мгновенно рассосалась по кабинетам. Эвхам пока не понял, огорчаться ему или радоваться. Возможно, Бог-отец и верно решил устроить фавориту разнос в отсутствие посторонних глаз. Но есть и другое. Хальмгар является генеральным инспектором Господа по проверке эпизодов Апокалипсиса, а также выполняет спецпоручения. Кто знает, не решил ли Бог-отец выведать: как Эвхам вылил свою чашу в море и что за доказательства успеха он предоставил в Рай?

Эвхам знал – ему нечего стыдиться.

Но интриги способны съесть любого. Даже ангела.

¹² В VI веке до н.э. вавилонский царь Навуходоносор II велел бросить в огонь трех пленных иудейских юношей – Анианию, Азария и Мисаила за отказ поклониться идолу. Но архангел Михаил сохранил их невредимыми.

Глава V. Поцелуй льда (Четверг, день № 4 – *Отрадное*)

Ира не испугалась Светкиного визита. Умерла? Подумаешь – ничего особенного. Сейчас ситуация в городе напоминает старый анекдот: «Дорогой, где ты?» – «На кладбище». – «Неужели кто-то умер?» – «Дорогая, ты не поверишь – ТАМ ВСЕ УМЕРЛИ». По ТВ уже предостаточно, во всех ракурсах показали: как встают из могил мертвецы. Через два часа к ней заглянула давно помершая бабушка за ключами от своей московской квартиры, а они-то с мамой продали ее еще год назад. Бабуля ругалась страшно, призывая на голову внучки всех чертей. Окрестные улицы не узнать: запестрели кольчугами витязей, гимнастерками красноармейцев, боярскими кафтанами. Когда Светка позвонила в дверь, Ира была морально готова: скоро заявится еще кто-нибудь из мертвых – например, крепостной прапрадед из Углича. Увидев на пороге воскресшую одноклассницу – чумазую, со сбитыми в кровь босыми ногами, в заляпанном глиной подвенечном платье, она остолбенела, но очень быстро пришла в себя. Толком не поздоровавшись, Светка попросила телефон – позвонить мужу, однако номер Олега не отвечал. Перебрав мобильный, домашний и рабочий, она безрезультатно звякнула маме в Питер, уронила трубку и разревелась со словами: «Жизнь – говно, и смерть тоже!» Ира набрала «Мегафон», но в службе поддержки шел корпоратив в честь конца света – коммутатор оседлал вдрызг пьяный юнкер. Всю ночь напролет они сидели со Светкой на кухне, допивали запасы текилы и беседовали о том, что же такое **смерть**. Светка хлопала рюмку за рюмкой, почти не пьянея. Она не смогла рассказать о деталях загробного мира: оказывается, трупам при воскрешении стирают память. Несправедливость. Интересно было бы узнать, что происходит на *той стороне*, особенно в Аду. За текилой перемыли косточки знакомым питерцам, также давно переехавшим на московские хлеба, почитай, уже половина столицы – с Лиговского проспекта. Обсудили будущую битву архангела Михаила с Сатаной: рекламу крутят по ТВ каждый час – правда, результат предсказуем, как матч проплаченных боксеров. Посреди ночи в квартиру ломился в стельку пьяный сосед, просил разделить с ним пол-литра и радость: Апокалипсис, е-мое, счастье привалило – ПО ИПОТЕКЕ БОЛЬШЕ ПЛАТИТЬ НЕ НАДО! К полудню закончились сигареты, и Светка вызвалась с б е г а т ь. Ира благодарна ей за это – она не хочет покидать квартиру.

На улице опять во весь голос орут песни пьяные – хором и даже довольно слаженно. Странный акцент – похож на немецкий. Или скандинавский. Черт его разберет. Немцев сейчас в городе очень много, сотни тысяч. Мало того что из гробов поднялась вся Немецкая слобода, запрудив бульвары у метро «Бауманская» лощеными кавалерами и дамами в кринолинах, к покойникам в прусском платье добавились замерзшие дивизии вермахта, сгинувшие на подступах к нынешним Химкам. Бедняги и сейчас, несмотря на теплынь, никак не могут согреться – сидят, замотанные в бабьи платки, красноносые, жалкие, пиликают на губных гармошках и давят на шинелях нудно воскресающих вшей. Полный бедлам. Процветает безнаказанность: насилуй, бей, жги – никто и слова не скажет. Вероятно, лучше отсиживаться дома, пока не высадят спецназ ангелов. На ключевых точках города в прямом эфире дежурят корреспонденты с телекамерами, ждут появления крылатых вестников Апокалипсиса. Из окна хорошо видны окутанные дымом черные остовы домов и магазинов, за три дня в городе выгорели тысячи зданий. Разграблены ГУМ, ЦУМ и Грановитая палата в Кремле, все музеи: Третьяковка, Пушкинский. Не тронули только склад картин Зураба Церетели: обиженный маэстро гонялся за прохожими, требуя взять их даром. Отрезвление наступило после официального подтверждения по ТВ – да, произошел Апокалипсис, вежливо просим всех не паниковать и готовиться к Страшному Суду. Грабителей накрыл ужас: картины начали выбрасывать на улицу. Показали вконец разозленного Айвазовского, сердитого Репина – художники с ворча-

нием подбирали с асфальта свои шедевры, тщательно отряхивая их от пыли. Люди толпами ринулись в храмы: места для свечек уже нету, лепят буквально на потолке. Сегодня с утра Михась, Япончик и Тайванчик привезли в Елоховскую церковь свечу – с корабельную мачту. Затаскивали через главный вход, не влезла, пришлось воткнуть в землю у дверей. Не успели зажечь, как с улюлюканьем налетела орда монголов – Елоховская занялась пламенем, за час превратившись в кучу головешек. Пожарные даже и не подумали приехать. Да и на чем? Заправки закрыты, бензина нет. Огонь, огонь... всюду огонь. Облака розовые от сплошных костров, похожи на розовую, аппетитную ветчину, словно их тоже подкоптило жаркое пламя. С улицы доносится дымный запах горелого мяса.

Так, что там по телевизору?

Камера онлайн – на Пушкинской площади. Пушкин фотографируется с поклонниками и вызывает на дуэль критиков, уже полторы сотни человек стоят в очереди – стреляться с поэтом. Тощие и узкоглазые всадники – как поясняет корреспондент – из армии крымского хана Девлет-Гирея, в 1571 году спалившего Москву, раздают интервью и жарят шашлыки из кошек, нанизывая тушки на кленовые прутья. Круговорот еды в природе: поджарил, съел – вскоре животное восстает из мертвых и снова готово к употреблению.

Серо-зеленых мундиров вермахта больше не видно: немцев у трещащих языков пламени потеснила наполеоновская армия... чернявые офицеры протягивают озябшие пальцы к огню, почти касаясь ими углей.

Репортаж сменяет реклама.

Две девушки горячо обсуждают, стоит ли отдавать свою душу Христу. Вспышками показана очередь в Рай, угрюмые лица праведников, возбужденные людские массы, осаждающие Райские Врата, по-канцелярски сухие ангелы, пишущие на ладонях очередников расплывающиеся чернильные номера. И тут же – Ад: свободный вход, игра в рулетку, джаз-бэнд весело колотит в тарелки, на сцене отплясывают девочки. Хор голосов, поющих в экстазе – «Мистер Дьявол веселей вас доставит в Ад быстрее!».

Ирина в потрясении закуривает последний «кэмел». Слова, кроме как «совсем охуели», на ум не приходят. Которая по счету сигарета? Пальцы стали желтыми от никотина, да ну и хрен с ними – теперь все уравнивается в правах с мертвыми, рака легких больше нет. ТВ стало неотъемлемой частью Апокалипсиса: работает 24 часа в сутки. Нон-стоп идут новости, интервью с ожившими мертвецами, показ в прямом эфире пожаров и драк. Из Кремля – ни слуху, ни духу. Не то что министр, даже заваливающий помощник не выступил с комментарием. Все просто исчезли, услышав про Апокалипсис, как будто их и не было. После объявления конца света дороги загроздили тысячи брошенных машин: потрясенный народ оставлял их на улице, понимая – дальше ехать некуда. Ток-шоу идут сплошной чередой: выступают богословы с прогнозами и атеисты, считающие происходящее стихийным бедствием. Но скоро до горожан дойдет: ВСЕ. Отключится электричество, высохнут краны, сдохнет телек – для современного мира этого достаточно, чтобы цивилизация погрузилась в каменный век. Что же остается делать?

Ирина накрутила на палец прядь волос. Наверное, она клиническая идиотка: засела в квартире, никуда не выходит, всего боится. А вот Светка не испугалась. Хотя, если умрешь, а потом вылезешь из могилы – вероятно, уже ничего не страшно. Да к тому же она пиарщица, распорядитель: вечно организует банкеты и презентации, мобильник к уху приклеен. Еще в школе такая была ужасно активная – стенгазеты, собрания, любительский театр. Остра на язык: отошьет, кого надо, при желании матерится, как сапожник.

Сейчас это даже нужнее, чем раньше. Вчера, когда Ирина шла сто метров от дома до магазина, ей семь раз предложили переспать. «Сука ты, – горестно сказал пахнувший дармовой водкой мужик у подъезда. – Кому от этого лучше? Не думай о морали, получай удовольствие». Уличный философ был послан на хер, но Ира задумалась. Рай? Он ей не светит. Грехов по жизни она нахватала достаточно, включая четыре... нет, пять измен: пусть бывшему, но все-

таки мужу. Сдуру венчалась, а венчанные супруги, по правилам Апокалипсиса, должны воссоединиться при конце света. Вот только этого ей и не хватало! Одно утешение: прикольно поглядеть на разведенную с Киркоровым Пугачеву – они предстанут на Страшном Суде именно как супружеская пара. Народ же в массе своей ни хера не знал о религии, каждый думал, что Бог – это типа раз в год яйца покрасить. А на приговор Страшного Суда прегрешений у Иры скопилось более чем достаточно. Прелюбодеяние – раз. Врала начальству – два. Чревоугодие с ореховыми пирожными – три. Гнев – четыре. Ууууу... влипла. Плачьте, мужики, – шикарная шатенка с фигуркой, как гитара, в облегающем шелковом платье и крепкой грудью загремит в Ад. Ну а раз такое дело, алкаш у подъезда в чем-то прав – пришло время для реализации женских фантазий. Другой возможности уже не будет.

Стандартная обойма: секс с незнакомцем, групповуха, минет в такси, игра в изнасилование. Пикантно. Перетерли бы сейчас эту тему со Светкой, но что-то она задерживается. Да, сейчас просто так табаку не найдешь.

Шаги на лестничной клетке. Дверь, скрипнув, подается вперед. Она не закрыла замок, когда вышла Светлана. От кого прятаться? Барахло вынесут? Не жалко. Убить? Не могут. Изнасилюют? На кухне набор острых кухонных ножей. К тому же (еще одна горячая мечта) – а вдруг насильник окажется симпатичным? Апокалипсис любезно предоставляет шанс переспать с мужчиной твоей мечты – от Элвиса Пресли до Андрея Миронова. Правда, можно представить, какая к ним очередь... до воскресенья точно не успеть.

– Входи, подруга, – весело крикнула Ирина. – Курево-то принесла?

По паркету цокнули каблук чужих ботинок. Незнакомец в турецкой рубашке и помятых джинсах возник посреди кухни неожиданно, словно просочившись в дверную щель. Неестественно бледный мужчина лет сорока, выбритые щеки отливают белизной – будто их обмазали гримом по правилам японской оперы. Он двигался, как учитель в английском классе, – плавно, заложив обе руки за спину, не отрывая от нее спокойного взгляда карих глаз.

– Ирина Лекарева? – ровным голосом произнес незнакомец.

– Да, – с удивлением ответила она. – А что тебе... вам... здесь надо?

– Я ищу Светлану, – с теми же бесцветными интонациями сообщил гость. – Надеюсь, она у вас? У меня к ней дело чрезвычайной важности.

Ире стало не по себе. Сама не зная зачем, она отступила ближе к окну.

– Откуда вы знаете, что она должна быть у меня? Кто вы такой?

Визитер игнорировал ее вопросы, присев на корточки, он рассматривал брошенное в угол скомканное, донельзя грязное свадебное платье. Белая материя слиплась от хлопьев пепла и комков кладбищенской глины.

– Откуда? Как наивно... – ласково протянул гость. – Люди сначала регистрируются в «друзьях» на сайте одноклассники.ру, а потом изумляются – да как же их вычислили? Я бы рад познакомиться... но если назову свое имя, вы обязательно подумаете, что я издеваюсь. Однако все же рискну повториться, милая хозяйка. Где Света? Ее платье я хорошо запомнил на фото, а оно лежит здесь. Какие вещи вы дали ей, чтобы переодеться?

Кого может обеспокоить вкрадчивая манера разговора? Однако именно этот факт и напугал Ирину больше всего. Незнакомец ощупывал платье так, как заядлый охотник снимает шкуру с только что убитого животного: раздув трепещущие ноздри, впитывая сладкий запах свежей крови. *Этот тип здесь неспроста.* Светка нужна ему, вот только зачем? Вряд ли в условиях конца света он сможет сделать ей что-то плохое... но лучше им не встречаться.

– Света вчера ушла, – подлив в тон безразличия, ответила Ирина. – Уехала в Питер, с маменькой повидаться перед Страшным Судом. Так что, к сожалению, ничем помочь не могу. Приятно было познакомиться.

Незнакомец не стал ответно блистать дежурными любезностями: он смотрел на стол. Взгляд карих глаз скользнул по двум рюмкам, слегка зацепившись на бутылке с недопитой

текилой. Особое внимание визитера привлекла переполненная «бычками» китайская фарфоровая пепельница – на фильтрах окурков запечатлелись свежие следы двух разновидностей помады. Натюрморт венчала смятая сигаретная пачка с изображением мечтательного верблюда. Незванный гость склонил голову набок и прицокнул языком, как бы изумляясь изобретательной лжи хозяйки квартиры. Подняв палец правой руки на уровень равнодушных глаз, визитер укоризненно покачал им слева направо. Несмотря на теплую погоду, его узкую, подетски маленькую ладонь плотно облегла изящная дамская перчатка из натурального шелка.

Оттолкнув незнакомца, Ирина рванулась к входной двери.

Страшный удар отбросил ее к окну. Отлетев, женщина ударилась лбом о подоконник – из рассеченной брови по лицу змейкой заструилась кровь.

– Напрасно вы врете, – все тем же прохладным голосом заметил гость. – Видите ли, это надо делать не наобум, а зная ситуацию наверняка. Вы совсем недавно вкушали с кем-то еду, пили вино и держали в губах дымящиеся палочки. Не более получаса назад. Вы не возражаете против моего общества? Я немного побуду в вашем доме – подожду Светлану.

Держась за разбитый лоб, Ира прислонилась к подоконнику, зажимая пальцами рану. Через запыленное стекло просматривалась песочница во дворе: посреди бурого песка пили баночный джин-тоник два крепостных холопа, вытянув ноги в лаптях из липового лыка, подтянутых онучами.

К подъезду подходила Светка, подбрасывая на ладони пачку сигарет...

Дальнейшее решение пришло спонтанно. Ловко *нырнув* незнакомцу под локоть, Ирина схватила в руки кухонный табурет. Гость не успел помешать ей, ошеломленный атакой, – коротко размахнувшись, Ирина бросила табурет в окно ножками вперед. Стекло гулко лопнуло градом крупных осколков.

– Светка! Светка! – дико завизжала она на всю улицу – так, что один из смердов от неожиданности захлебнулся джин-тоником. – Спасайся, беги!

На молочно-белом лице незнакомца не дрогнул ни один мускул. Сложив ладони, молча выражая восхищение смелостью хозяйки, он элегантно жестом лондонского денди потянул с руки шелковую перчатку.

К несчастью, Светка поняла ее крик превратно: отшвырнув сигаретную пачку, она пулей полетела к подъезду. Вне себя от злости, Ира выхватила из деревянного куба, стоявшего возле мойки, самый острый кухонный нож. Незнакомец расхохотался – его смех звучал тихо, как колокольчик: в нем переплетались мотивы безнаказанности и издевки. Взбешенная этой невозмутимостью, Ирина, сжав пластмассовую рукоятку, ткнула вперед – сильно, но без замаха. Вопреки ожиданию, незнакомец не отклонился. Он ловко поймал лезвие, зажав его в кулак: ладонь, однако, не залилась кровью – нож вошел в нее мягко, словно в ватный тампон. Подержав лезвие с пару секунд, гость выпустил его, отступив на шаг назад. Ноги Иры приросли к полу: бесполезный нож с обреченным звоном вывалился из ее руки.

Мозг распался на фейерверки, в голове, разламывая лоб, билась мысль:

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ОН СДЕЛАЛ С ЛЕЗВИЕМ?

Незнакомец вернулся, не спеша, как удав к ожидающему судьбы кролику. Он был совсем рядом, на расстоянии пальца, – рубашка пахла могильной плесенью, запах которой перебивал острый аромат неведомых сушеных трав.

Вдохнув воздух в последний раз, Ирина ощутила страшный холод...

Глава VI. «Смертьфон» (Четверг, почти такое же время)

К полудню Агарес окончательно понял: он неуютно чувствует себя без привычного крокодила. Ученые необоснованно считают, что водные рептилии слабо подвижны во время пребывания на суше. А вот ничего подобного: летят стрелой, как молнии, – сел, взнуздан и поехал, куда тебе надо. После лихих виражей в раскаленном пламенем пространстве Ада здесь прямо заново учишься ходить – ступаешь по тротуару в стиле андерсеновской Русалочки, словно по лезвию ножа. Агаресу сделалось столь невыносимо, что он почти решил похитить бесхозного крокодила из зоопарка на Краснопресненской. Но, поразмыслив, счел эту идею преждевременной. Среди восставших из мертвых полным-полно экзотических экземпляров, однако вид мужика верхом на аллигаторе неизбежно привлечет к себе лишнее внимание – чересчур лакомое зрелище для множества зевак. Дети отовсюду прилипнут – сфотографироваться, как в Сочи с обезьянкой. Облачившись в футболку с логотипом группы Demonlord, повязав поверх белых волос бандану с черепом и костями и накинув на плечи легкий черный плащ, демон вполне мог сойти за байкера, оставшегося без мотоцикла. Широко переставляя мускулистые ноги в *казаках*, он уже прошел половину улицы Декабристов, пьяные в стельку прохожие из разных эпох смотрели сквозь фигуру демона осоловевшими глазами, в закоптелых руинах супермаркетов еще можно было отыскать теплую водку. У перекрестка группа скинхедов с праздным любопытством избивала орущего монгола в шапке с хвостами и пайцзой¹³ на тощей груди.

– Нашел место, где из могилы вылезать! – работая кулаками, на всю улицу орал рослый скинхед в армейских ботинках. – Вали назад к себе в Монголию, сука, и воскресай там, сколько хочешь. Россия – для русских мертвецов!

...Агарес и не подумал вступаться за монгола. Время позволяло заснять видеоролик, дабы развлечь коллег в Аду: предвкушая радость, он полез в карман. Сладостный момент прервался – ему сильно сжали локоть.

– Мужик, – услышал демон слабо различимый шепот. – Дай закурить...

В последний раз в качестве официального представителя Ада Агарес был в Москве достаточно давно, еще до распространения табака. А именно – при царе Алексее Михайловиче, когда «бесовский дым» стоил курильщикам вырванных клещами ноздрей. В дальнейшем, как рассказывали российские грешники, вопрос о сигарете на улице стал философской преамбулой, за которой обычно следовала драка или ограбление (вне зависимости, окажутся у объекта сигареты или нет). Что ж, можно и сразиться. Это будет забавно.

Он повернулся, но сжатая в кулак рука невольно опустилась. На него смотрело помятое, небритое лицо, покрытое ссадинами и синяками: поперек разбитой нижней губы коричневой полоской запеклась кровь. Проситель был одет в обсыпанную пылью черную форму, с серебряными ромбиками в петлицах – один из ромбиков, похоже, недавно выдрали с мясом. Агарес вытряхнул из пачки «житан» – он всегда курил сигареты без фильтра, с табаком, скребущим горло. В Аду некурящие были редкостью – работа сложная, климат жаркий, без никотина – невозможно. Да и надо ли бросать курить? Еще ни один из демонов не жаловался на проблемы с легкими.

– Спасибо, – прохрипел эсэсовец, прикуривая от бензиновой зажигалки.

– Это кто ж тебя так? – поинтересовался демон, показывая на синяки.

¹³ Пропуск через владения Чингисхана, носился на груди. По степени важности различались деревянная, серебряная и золотая пайцца

– Ох, – потер скулу немец. – Фронтовики-окруженцы, блин, кому ж еще. Мы от них уже по подвалам прячемся. Взяли манеру: толпой навалятся и некультурно ногами по лицу бьют. Ори, не ори, что война кончилась, бесполезно. Только сегодня на «Китай-городе» на минуту вышел за пивом, шесть раз по роже получил. Хорошо, что сейчас потерянные зубы сразу обратно вырастают. Довели до ручки: многие наши засели в подвалах и отказываются выходить, пока не настанет воскресенье, дескать, лучше Страшного Суда подождем. А неандертальцы? Вот кто недочеловеки-то! Заколебали вусмерть, либер фройнд¹⁴. Вчера из Нюрнберга звонили: на Геринга целое племя охоту устроило, жарить собрались – маршал на крыше спасся. Я думаю, фальшивка это. Не может Апокалипсис таким быть.

– Хм... – убрал пачку Агарес. – С чего такие упадочные мысли?

– С того, мужик, – откашлялся от «житана» эсэсовец. – Я откровенно подозреваю: это не христианский Апокалипсис, а какой-то другой. Относительно библейских примет я вижу лишь воскрешение мертвых, но всего остального незаметно: и семи печатей, и трубящих ангелов, и прочей хрени. Тайна, покрытая мраком. Откуда мы вообще знаем – может, это африканский или австралийский конец света? Сейчас, как я прочитал в газетах, в большой моде пророчества американских индейцев. Например, племя лакота уверено: мир рухнет, когда на свет родится белый бизон. Начнутся землетрясения, наводнения, извержения вулканов – «и тьма падет на землю». Неизвестно, мужик, возможно, далеко от нас, в индейской резервации, вздымаясь в воздух, бьет копытами бизон молочного цвета...

– Я тебе точно «житан» дал? – озадаченно переспросил Агарес. – Странная у тебя реакция на табачный дым. Не стоит всерьез принимать примитивные суеверия народов, живущих первобытнообщинным строем. Тебе хоть известно, что белый бизон уже трижды рождался, последний раз – пару лет назад? Знамение не сбылось, живут, как жили¹⁵. Почему у вас на Земле все так обожают дешевую мистику? Давай тогда уж и зороастрийцев до кучи приплетем. «После сотой зимы придет темное облако, и прольется страшный дождь, и будут праведные биться с грешниками, и победят их в битве ужасной». О, видишь, с неба две капли упало? Это дождь, приятель, стало быть, мы присутствуем при зороастрийском Апокалипсисе. Я поражаюсь редкостному количеству болванов, вместо нормального восприятия реальности забивающих мозг псевдомистической лажей. Похоже, Дьявол сильно попал. Из кого он армию тут будет набирать – ума не приложу.

– Ты вообще кто? – заморгал глазами эсэсовец.

– Демон в пальто, – философски пояснил Агарес.

Закрыв лицо воротником мундира, немец растворился в толпе. Агарес посмотрел на часы. Кого вообще поддержат эти люди? Сатана рассчитывает на грешников в последней битве, но их трудно назвать армией – обычная биомасса. Возможно, положение исправит рекламная кампания – Ад заранее скупил прайм-тайм ведущих телеканалов и вскоре начнет вброс тучи роликов, призванных популяризировать учение Дьявола. Объект, разыскиваемый Сатаной, уже обнаружен: найти его было совсем не сложно. Для земных спецопераций обычно выделяется «смертьфон» – адская разновидность смартфона. Чудесное приспособление, ничем не уступающее iPhone, разве что в профиль потолще, только по нему и производится личная связь с Дьяволом. Кажется, есть такая книга – «Бог не звонит по мобильному», так вот – черт по нему тоже не звонит. Другое важное качество аппарата: стоит ввести на чип данные объекта, как «смертьфон» тут же его отслеживает, показывая точное местонахождение смертной души. Вот и сейчас – судя по плоскому экрану, светящаяся точка с меткой Svetlana приближается: она идет прямо к нему, не отклоняясь от курса. Достаточно подождать пару-тройку минут, чтобы

¹⁴ Милый друг (нем.).

¹⁵ После рождения трех белых бизонов в 1994, 1995 и 2006 годах вожди племени лакота заявляли, что у животных присутствовали мелкие темные пятна, а бизон для конца света, дескать, обязан быть идеально белым.

птичка впорхнула прямо в клетку. По адским слухам, у «смертьфона» имеется и пара *исключительных* функций, но их применение должен санкционировать сам Сатана, указав потайную кнопку. Аппарат настолько престижный, что в Аду начали нелегально продавать китайские подделки сугубо для демонических понтов: выглядит точно так же, хотя с Дьяволом не соединяет. Однако вытащить «смертьфон» на публике, небрежно повертеть в руках – создает нужное впечатление.

Решив встретить цель рядом с подъездом, Агарес прислонился к стволу высохшего клена. Панорама радуется упадочной картинкой, типичное кинцо из разряда бездушных блокбастеров. Багровое небо, в воздухе витают частички копоти от сгоревших зданий, зловещими силуэтами замерли высохшие деревья с почерневшей, обсыпанной пеплом листвой. Ожидание немного скрашивает бесплатная порнуха: бесчисленные парочки, троечки, четверочки открыто занимаются сексом прямо на пожухлой траве. Ну да, Апокалипсис, когда еще, если не сейчас, завтра уже будет поздно. В облаках вороны, просто тучи ворон, сам ветер, кажется, спреем разбрызгивает над уличными толпами свинцовые капли тревожного карканья. От каждого прохожего чем-нибудь да пахнет: пивом, водкой, спиртом, даже французскими духами – вот уж никогда бы не подумал, что их можно глушить стаканами... а закусывать такую выпивку чем следует – фуа гра или трюфелями? Лица пьяных перекошены, но никто не проливает горьких слез об утраченном мире – напротив, повсеместно слышится смех. Правда, смеются странно – без улыбок, едва разжимая рот, мелко и злобно, с тонким поросычьим привизгиванием. У закопченных стен разграбленной аптеки, закрепившись на импровизированной пирамиде, составленной из пивных ящиков, стоит офисный клерк в отутюженном пиджаке. Развязал красный галстук и хорошо поставленным голосом кликушествует о рождении Антихриста:

– Прозрейте, добрые самаритяне! Пришло время каяться в грехах своих!

Добрые самаритяне, однако, срать на него хотели: отчаянные вопли несутся в бурлящую пустоту. Тут и без него юродивых хватает. Ну да. Большинство людей реально ощутит конец света, только когда накроется электричество, отрубив доступ к «Дому-2» и футбольным матчам. Зато сколько появится вот таких самозванных пророков... на катаклизмах их каста плодится быстрее самых злобучих кроликов. К воскресенью замороженных мессий разведется, словно микробов на унитазе: «У меня с Христом все завязано, все чики-чики, дочь моя, всего один минет духовному отцу – и место в Раю тебе зарезервировано». Наблюдая за ползущими стрелками часов, демон мысленно прикидывал, не спихнуть ли ему пророка с ящика: однако тут в поле зрения наконец-то появился объект Svetlana. Девушка двигалась легкой походкой, сжимая в руке пачку сигарет «честерфилд» – Агарес отметил, что она уже сменила подвенечное платье на застиранную футболку (явно с чужого плеча), балийские шорты из сиреневого батика и совершенно, на его вкус, идиотские розовые кроссовки. Агарес сверился со «смертьфоном»: светящаяся точка мигала в двух шагах – это *невеста*, ошибки быть не может.

Отключив прибор, демон шагнул ей наперерез...

Все последующие события раскручивались со скоростью колеса, внутри которого носится бешеная белка. Небо над головой Агареса лопнуло, издав жалобный звон: прямо под ногами изумленного демона вдребезги разлетелась кухонная табуретка – асфальт усыпал дождь из мелкого стекла.

– Светка! Светка! – прорезал пространство женский визг. – Спасайся, беги!

Объект Svetlana, услышав вопль, повел себя нелогично. Вместо того, чтобы следовать умному совету, *невеста* вихрем понеслась к «панельке». Оказавшись у входной двери, она мельком взглянула в окно. Увиденное заставило ее застыть на месте, но ненадолго – молниеносно набрав кодовый номер, девушка исчезла внутри подъезда. Агарес вскинул вверх глаза...

Он не заметил того, что Светлана, но и без этих моментов зрелище оказалось впечатляющим. Незнакомец с молочно-белой кожей сразу исчез, на прощание вежливо улыбнувшись из оконного проема. А вот женщина, стоявшая рядом с ним, осталась на месте – ее замершее лицо

с открытым ртом и остекленевшими глазами стремительно покрывалось оранжевыми отблесками, переплетенными с толстыми нитями розовых прожилок...

Относительную безопасность захлопнутой *невестой* двери берегал кодовый замок, но Агарес снес ее с петель одним ударом. Преодолевая по три ступеньки одним прыжком, он моментально взлетел вверх по лестнице: достигнуть объект Svetlana удалось на грязной площадке третьего этажа.

– Сдурела? – взревел демон, схватив ее за плечи. – Тебе ж сказали – беги!

Ответ *невесты* не заставил себя ждать: издав жуткий звук раковины, всасывающей жидкость, девушка вцепилась зубами в его запястье. Боль оказалась терпимой: к счастью для Агареса, в девичьих зубах не было серебряных пломб. Этот поступок заставил демона отказаться от дальнейшего джентльменства. Отвесив *невесте* оплеуху, Агарес без сантиментов столкнул ее с лестницы: если и сломает шею, невелика беда – все равно уже мертвая. *Невеста* кубарем скатилась по заплеванным ступенькам, а демон воздал хвалу Дьяволу. Времени на дискуссии не остается: нужно грабастать дурочку в охапку и бежать в безопасное место.

– Одну минуточку... – раздался сзади тихий, но отчетливый голос.

С верхнего этажа спускался человек с белым лицом – тот самый, которого Агарес только что наблюдал в разбитом окне. Радужно улыбнувшись демону, как старому другу, он быстро снял с безволосой руки перчатку...

Отступление № 3 – Дьявол/Гарантино

У главной башни экзотического Китайского театра – той самой, где на барельефе клубком свернулся серый дракон, прохаживался с десятков низших демонов, ежась и нервно похлопывая крыльями. Демоны, как и положено существам из глубин Ада, издавали отвратительный запах, шипя на очарованных их внешностью туристов, собравшихся на Голливудском бульваре. Среди туристов преобладали низкорослые, волосатые мужчины в пончо и сомбреро после выступления по ТВ, где пресс-секретарь Белого дома официально объявил о наступлении Апокалипсиса, пограничники покинули свои посты. За три последующих дня в Неваду, Техас и Калифорнию перебралось в полном составе все население Мексики. Рачительные мексиканцы действовали по принципу: хуже все равно не будет. А вот если конец света вдруг да не произойдет, предоставится хороший шанс нелегально остаться в Штатах. Шурясь от частых фотовспышек, демоны мокли под мелким дождем, недовольно источая густой смрад тухлого мяса. По замыслу пиар-директора, их вид должен обозначить грядущую власть князя тьмы над Лос-Анджелесом, а потому присутствие демонов являлось, по сути, декоративным: ведь Дьяволу не нужна охрана. Даже праведник Ной, и тот охотно подтвердит – пока в воскресенье не стартует великая битва на Небесах, никакая другая опасность не может угрожать Сатане.

Дьявол откровенно наслаждался мстительным сладострастием, по капле наполнявшим его черное нутро. Заложив руки за спину, он солдатским шагом прошелся перед полусотней трясущихся людей. Гости несмело примостились на краешках стульев, заблаговременно выставленных адской свитой в фойе Китайского театра. Заходясь от тайного экстаза, Дьявол подмечал их испуг. Его губы исказились – их тронула настоящая сатанинская улыбка. Разумеется, какую-либо другую улыбку на морде Дьявола заметить было бы затруднительно, однако по рядам визитеров волной пробежала нервная дрожь.

– Обалденнооооо... – протянул Дьявол, беззастенчиво нажимая на арканзасский акцент, приводящий в бешенство обитателей Калифорнии. – Стало быть, никто из вас, умников, изображая меня на экране, даже на минутку не подумал, что эдакое цирковое кривляние может кому-то не понравиться? Ооооо, конечно... вы же полагали, что я не существую. Эдакое пугало для деток, кои не хотят вовремя ложиться спать. Трепали мне нервы вшивым «Экзорцистом» и блядским «Ребенком Розмари»... а теперь сидите и втайне надеетесь, что я вас помилую? Хренушки. Я мечтал об этом разговоре много лет. Сегодня все получают по заслугам.

Гости затравленно озирались. Низшие демоны, вломившись на пляжные виллы в Малибу, бесцеремонно доставили звезд в Китайский театр, силой втиснув в ладони приглашения на встречу с Сатаной. Пиар-директор чувствовал себя гением психологии: никто из гостей в критической ситуации даже не подумал хотя бы разок перекреститься.

– И хотя многим в этот вечер не повезет, – обронил Дьявол, слыша дребезжание стульев под трясущимися знаменитостями, – к некоторым я проявлю благосклонность. Скажем, вот ты, дедушка, – он показал на полуседого человека с крупным носом и родинкой под правым глазом, – классно отобразил Луиса Цифера¹⁶. Я бы и то лучше себя не сыграл.

Роберт де Ниро, ловя на себе завистливые взгляды, улыбнулся дрожащими губами. Дьявол хлопнул в ладоши – вышло настолько громко и звучно, словно его руки превратились в оркестровые литавры.

– Да-да, – кивнул Сатана. – «Сердце ангела» – настоящий шедевр. Знаешь, вот тот момент, когда твои глаза полыхнули желтым огнем и раздался рев – «Твоя душа принадлежит мне!» – я аж на диване подпрыгнул. Фильм получился – жесть, и все потому, что в нем изначально заложен правильный посыл. Заключаешь сделку с самим Дьяволом – так не пытайся кинуть его, словно он лох на Киевском вокзале. Знатная работа, и награда не заставит себя ждать. Отныне, дорогой Роберт, ты сможешь иметь любую женщину – какую пожелаешь.

– Я и так могу, – робко сказал де Ниро. – Мне проходу на улице не дают.

– Ты торгуешься со мной, что ли? – разозлился Дьявол.

Схватившись за сердце, Роберт рухнул под стул.

– Едем дальше, – отвернувшись от тела, продолжил Сатана. – Итак, теперь пришла очередь Адама Сэндлера. Твой фильм «Ники: дьявол-младший» – унылое говно, несусветная лажа и сучье убожество. Я не могу даже слов подобрать, чтобы выразить отношение к его качеству.

– Знаете что? – поборов первобытный страх, обиделся Сэндлер. – Сначала «Дом-2» посмотрите, а потом уже начинайте на меня бочки катить. В этом мире есть вещи намного хуже – например, комедия «Гитлер капут!» или слэшер «ССД» с голой Анфисой Чеховой в душе. Если вы их не смотрели, то в принципе не знаете, что такое говно.

– Бездарность, – передернулся Дьявол. – Отныне на твоём челе – черная печать забвения. Твой Апокалипсис уже состоялся: теперь до конца дней своих ты никогда не снимешься в фильме с интересным сюжетом.

Он простер руку. В комнате сверкнула молния, запахло серой.

¹⁶ Персонаж из фильма «Сердце ангела», сыгранный Робертом де Ниро. Разумеется, это был псевдоним для реального имени – Люцифер.

– Впечатляет, – испугался Сэндлер. – Спасибо за легкое проклятие. Или это бонус? Но за бабло я в любом голливудском отстое поучаствую, никаких проблем. Смотрели «Не шутите с Зоханом»? Мне пришлось по сюжету трахнуть кучу старушек в парикмахерской. Самому противно, однако деньги нужны. Я недавно новую виллу в Майами прикупил.

По знаку Дьявола за его плечом из воздуха возник пиар-директор.

– Они, что – все здесь такие придурки? – сухо спросил Дьявол.

– Практически все, – заверил тот, ослабив узел галстука. – Шоу-бизнес – это особая структура – вроде космоса, там вместо мозгов в голове счетчик денег. Прихожу я вчера к Пэрис Хилтон и заявляю так напыщенно: явись в чертоги зла, отроковица, Сатана призывает тебя обнажиться и служить ему. Так эта крашенная дура мне с порога заявила – меньше чем за два миллиона наличными она не поедет. Именно столько ей платил русский молочный магнат, чтобы она пару раз на публике поизображала закадычную подружку его дочки-дизайнера. Устал спорить с идиоткой, пришлось призвать на помощь вашего заместителя: вселил в нее с десятков демонов приличных размеров.

– И как? – отвлеченно поинтересовался Дьявол.

– Нормуль, – в тон ему ответил пиар-директор. – Демоны жалуются на тесноту, конечно, но в целом – отлично. Хорошего экзорциста сейчас днем с огнем не сыщешь: одержимость продлится до Страшного Суда.

– Cool¹⁷, – одобрил Дьявол и вернулся к Сэндлеру.

– К чему ты опережаешь события? – ощерил он пасть. – Причина ухода из кино может быть разной. Например, звезда «Супермена» Кристофер Рив оказался прикован к инвалидному креслу после серьезной травмы, поэтому ему не давали хороших ролей. Отныне – ты парализован.

Перекошенный рот Сэндлера выпустил на грудь тягучую слюну. На лице замерли все мускулы, превратив его в гипсовую маску. Сатана перевел взгляд на девушку в красном платье и плотоядно показал клыки. Не отводя глаз от морды Дьявола, та жалобно всхлинула.

– Я отмечаю идеологическую невыдержанность «Ослепленных желаниями», – заявил Дьявол с некоторой холодностью. – По факту Темного Властелина там вульгарно кидают, и это наносит ущерб моему имиджу. Дескать, никто не читает контракт о продаже души, а там всегда содержится пункт, позволяющий избежать сделки. С чего вы это взяли? Все четко расписано: обязательства, штрафные санкции, даты оплаты. А сцена игры меня и Бога в шахматы – и вовсе научная фантастика. Максимум, во что я с ним хочу сыграть, – турнир по пейнтболу¹⁸ в ближайшем лесу. Так ведь испугается, не приедет.

Недвижимый Сэндлер с горестным журчанием обоссался.

У Элизабет Херли задрожало все лицо – не какая-то отдельная часть, вроде носа, щек или ушей, а целиком: словно фруктовое желе.

За три минуты разговора фотомодель постарела на двадцать лет.

– В любом случае, – клацнул клыками Дьявол, – меня не должна играть женщина. Завели у вас в Голливуде идиотскую моду. Возьмите любые средневековые гравюры: да хотя бы Алтарь отцов церкви в Мюнхене, рисунок «Августин и Сатана». Я что, похож там на кокотку? Зеленая кожа и глаза на

¹⁷ Круто (англ.).

¹⁸ Игра, где участники стреляют друг в друга шариками с краской.

жопе – это, конечно, другой вопрос. Но ведь не женщина же! Лучше изобразить мутировавшую лягушку, чем дуру с сиськами.

– Это дискриминация, – выжала из себя Херли немеющим языком.

– И что? – блеснул зрачками Дьявол. – Подашь на меня в суд?

Язык Элизабет благополучно отнялся.

– Другие упущения тоже заметны сразу, – продолжал Сатана. – Например, я не должен вызывать сексуальных желаний. Меня обязаны бояться, а у тебя – мечтают трахнуть. Ты сыграла не Дьявола, а нимфетку в короткой юбке, изгнанную из стен публичного дома за блядство. В наказание ты будешь доставлена на шабаш, где проведешь целую ночь на оргии среди голых ведьм, ублажая не только меня, но и всех слуг Ада.

– Вау, – кокетливо хлопнула ресницами Херли. – Подруги обзавидуются. Провести ночь с Темным Властелином – что может быть сексуальнее?

– Я говорил о полярной ночи, – отрезал Сатана. – А это, как-никак – тридцать суток. Тебя будут разыгрывать в карты, лотерею и твои любимые шахматы, а затем пускать по кругу. Утешу – секс вовсе не нескончаемый: предусмотрены десятиминутные перерывы на обед.

Элизабет превратилась в меловое изваяние. Дьявол обратил внимание на лысого толстяка, откинувшегося на спинку стула. Открыв рот, толстяк просто-таки заливался булькающим храпом, демонстративно п о л о ж и в на адский кошмар, поглотивший фойе Китайского театра.

– Проснись! – громовым фальцетом провозгласил Дьявол.

Толстяк нехотя приоткрыл один глаз.

– Чего тебе надо? – невежливо буркнул он.

– «Иствикские ведьмы» – приятный фильм, – без обиняков сказал Сатана. – Дьявол там – ну просто супер. Богатый парень с отличным чувством юмора, обожающий секс. Копия меня – сердце радуется. Однако финал все испортил. Три провинциальные шлюхи при помощи липовой куклы из воска рискнули покончить с самим повелителем Ада? Бред сивой кобылы. Натуральная рекомендация – не бойтесь Сатаны, при желании его замочит и пятилетний ребенок. Хочу вот сказать...

– Кто тебе укладывал волосы? – прервал его речь Джек Николсон. – Это же не прическа, а редкое говнище. Ты похож на Сергея Зверева.

Дьявол с ненавистью посмотрел в сторону пиар-директора.

Николсон зевнул – настолько глубоко, что желающие сумели бы рассмотреть его синеющие гланды. Опустив руку в район паха, звезда с ожесточением почесала все, что там находится, не замедлив положить ладонь на дрожащее бедро соседки – Дженнифер Лав-Хьюит. Бедняжка имела неосторожность сыграть в фильме «Дьявол и Дэниэл Уэбстер».

– Знаешь, я... – наливаясь злостью, произнес Сатана.

– А иди-ка ты в жопу, – сонным голосом подытожил свои действия Николсон. Свесив голову набок, он снова залиvisto и громко захрапел.

Присутствующие прикрыли глаза. Дьявол тяжело вздохнул.

– Слушай, – недовольно прошептал он пиар-директору. – Обязательно было приглашать этого хама? Никакого почтения вообще. Если честно, я даже растерялся. Сейчас позову со двора низших демонов – пускай разорвут его в клочья на глазах у всех. Обычно такое хорошо действует.

– Хозяин, но это же Николсон, – развел руками пиар-директор. – Как без него-то обойтись? «Иствикские ведьмы» – фильм очень рейтинговый.

Натура у старичка склочная, я согласен, сдаётся мне, что его даже демонами не исправишь. Джек на деле ещё хуже, чем Тарантино. С виду – элегантный сэр, а в реальности – совсем без тормозов. Верите ли, не так давно он английской королеве на приеме прямо в сумочку насрал.

– Чудовище, – согласился Дьявол. – Ладно, пусть спит. Хорошо ещё, что Тарантино фильмов про меня не снимал, поэтому мы с ним сегодня не пообщаемся. Подсчитано: за одно часовое интервью Квентин 248 раз говорит слово fuck. Очень продуктивный разговор. Почти как в любом детском саду в Краснодаре: только детсад будет круче. У меня после получаса пребывания там в буквальном смысле рога завяли. Тем не менее эта свинья Николсон сорвала мне весь праздник. Много их ещё?

– Полно, – захрустел списком пиар-директор. – Аль Пачино из «Адвоката дьявола», Габриэль Бирн из «Конца света», Питер Стормарре из «Константина». Плюс только что подвезли спецрейсом Гафта и Басилашвили, сыгравших вас в телеверсиях «Мастера и Маргариты».

– Да ну их на фиг всех, – уныло буркнул Дьявол. – У меня совсем настроение испортилось. Поеду в лучшую парикмахерскую, сменю причёску. Обзвони падших ангелов: надо устроить военные учения, отобрать злейших боевиков для финальной битвы в Небесах, если у Агареса с *невестой* ничего не получится. Кстати, он ещё не звонил?

– Нет, – со сдержанным оптимизмом заметил пиарщик.

На лбу Дьявола от напряжения вспухли вены.

– Агарес близок к завершению дела, – поспешил успокоить Сатану пиар-директор. – Просто на первых порах ему сложновато передвигаться без крокодила. Вот и запаздывает... по крайней мере, я так думаю.

Дьявол внушительно кивнул. Цокая копытами, скрытыми под тканью щегольских итальянских брюк, он прошёл мимо храпевшего Николсона и беспомощно мычащего Сэндлера, не удостоив вниманием прочих полумертвых актёров. На выходе пиар-директор раскрыл над Темным Властелином круглый зонт – дождь моросил с восточной лентой, и демоны отряхивались, как промокшие дворовые собаки, веером разбрызгивая с черной шерсти тяжёлые водяные капли.

«Конечно, Агарес справится, – подумал Сатана, глядя на круги, расплывающиеся по луже. – Кто же сможет ему противостоять?».

Полыхнули фотовспышки – к Дьяволу бежала толпа журналистов.

Глава VII. Кладезь бездны (Четверг, Андаманские острова)

Согнутая, худенькая мальчишеская спина едва виднелась среди высокой травы, но спокойствия ее владельцу это не добавляло. Вплотную прильнув животом к сухой земле, ребенок распластался на самом краю широкого зеленого поля, окруженного овальными холмами. Одна детская рука обшаривала черную, как деготь, почву, другая судорожно сжимала висящий на шее особый амулет – вырезанный из желтой кости *зорло*. Бабушка клялась прахом отцов, что амулет заговорен: и только заложенная в нем сила способна отогнать злых духов. Шаман Барар, сморщенный от старости, как печеный банан, вещал, приплясывая у огня, амулет сам выбирает, кого хочет защитить, в его сердцевине заключена зловещая душа *зорло*, бледных демонов подводных глубин. Сможет ли он одолеть *кариду*? О, вот это уж точно никому неизвестно. Проклятые твари не появлялись вторые сутки, однако люди боялись выходить из деревни, дрожа при одном лишь их упоминании. Но выбора у него нет. Здесь, именно здесь растет упоительно сладкий батат, без которого не только жизнь, но и смерть не мила. Соскучившись по вкусу пахнущих дымом рассыпчатых желтых кусочков, столь соблазнительно тающих на языке, он покинул деревню ползком. Не поднимая головы от травинок, пробрался на картофельное поле, пока уставшая, вконец измученная мать забылась в коротком тревожном сне.

Ужас, царивший на острове последние полгода, пил души людей, наполняя истерзанные сердца горечью обреченности. Неведомое зло медленно, как каменные жернова, перемалывало затерянный в океане островок, поедая всех обитателей из трех его деревень. Сколько людей живет на острове? Это легко подсчитать. Как учил его отец – «десять раз по десять рук, а на каждой руке – по пять пальцев». Страх спустился к ним внезапно во время великого праздника рождения полной Луны. Главным блюдом праздничного обеда стали трое *зорло* — храбрые воины племени захватили их в плен неделю назад, как это случалось и раньше, уродливые подводные демоны со страшными перепончатыми лапами и квадратными глазами вылезли на песок прямо из океана. Для начала, перебив *зорло* кости, их бросили в ручей – проточная вода избавляет мясо от специфического вкуса излишней сладости. После танцев, долгой ритуальной раскраски и заунывных обращений к величию Луны шаман отделил головы *зорло* от их туловищ, а воины содрали кожу со лба и щек демонов. Истекающие кровью черепа украсили крышу хижины вождя – мясо сварили в ритуальных котлах, не забыв добавить стручки жгучего, огненно-красного перца. Мальчику тоже повезло угоститься: он исхитрился отщипнуть кусочек плоти от вареной лодыжки демона. Правда, совсем-совсем маленький, зато оказавшийся безумно вкусным. Говорят, ловкость *зорло* передается через их мясо, и он сможет также крутиться в воде – извиваясь, почти как барракуда. По традиции, в пищу не шли только жесткие пальцы с перепонками и ужасные демонические глаза – разжевать их было невозможно. Но стоило сытым жителям разбрестись подремать в тени кокосовых пальм, как совершенно неожиданно появились *кариду*...

Сначала деревню окутал жирный и черный дым, ударив столбами из разверзшихся трещин в земле. Темные облака не несли характерного запаха гари, присущего горящему лесу, – они не пахли вообще ничем. Черная завеса быстро окутала джунгли, повиснув над деревьями. Дым оказался настолько густым, что даже яркое солнце померкло, не в силах пронизать его своими лучами, – на остров спустилась непроглядная ночь. Ослепшие жители кричали от неведомого прежде кошмара, разыскивая во тьме своих близких: мать выла, словно раненый бабуин, прижав его голову к своей груди. Но стоило дыму рассеяться, как из нутра исчезающей тьмы на остров обрушились полчища *кариду*. Поначалу им никто не удивился. Схватив связки банановых листьев, жители приступили к избиению незваных гостей, **на первый взгляд** выглядевших вполне безобидно... но сделали только хуже. Оказалось, это совсем другие *кариду*,

нежели те, с которыми им приходилось иметь дело раньше. Они умели кусаться больно, словно голодные скорпионы из влажных джунглей. Тела воинов, женщин и детей покрылись белыми волдырями, сочащимися струйками зеленого гноя, – *кариду* не щадили никого. Укушенные корчились в судорогах не в силах встать, они обливались холодным потом, испытывая жестокие спазмы в мышцах, закатив глаза, – даже жестокая лихорадка денге теперь казалась им слаще меда. Бесчисленные стаи *кариду* кружили над деревней, зорко высматривая с высоты уцелевших: и любой, кому становилось лучше, сейчас же получал новую порцию укусов. А звук... какой они умудрялись издавать звук! Самый страшный ураган – лепет младенца по сравнению с их дьявольским воем.

...Каждый в племени был уверен, что умрет. Шаманы плакали от бессилия, и даже остро пахнущие листья из джунглей, так хорошо отгонявшие moskitov, не могли спасти от укусов проклятых существ. Смерть, всегда столь нежеланная, на этот раз не спешила на помощь. Великий шаман Барар на пятый день мук обезумел от боли: истошно крича, призывая на помощь богов, он погрузился в морские волны, пытаясь найти сладкую гибель в пучине. Океан вышвырнул его назад с такой же легкостью, как малыш выплевывает фруктовую косточку. Мучения достигли апогея – никто не находил смерти, представлявшейся отнюдь не старухой с клыками во рту, но ласковой матерью, нежно избавляющей от ужаса страданий. Воины, утратив храбрость, бросались на отточенные копья – бамбуковые наконечники отскакивали от груди, ломаясь, словно сухая солома. Те, кто еще находил силы после ядовитых укусов, под покровом ночи зарезали теленка, обмазав кровью священный столб, но ленивые духи сделали вид, что не заметили жертвы. Каждое утро мальчик просыпался от боли: на теле лопались белые волдыри. *Кариду* были везде – в воздухе, на земле, на стволах пальм, в хижинах... люди глохли от звуков, издаваемых этими жуткими тварями. Думалось, кошмару не будет конца. Но пять дней назад случилось чудо, которого никто не ждал, – *кариду* исчезли. Смертельно напуганные, люди по-прежнему опасались покидать пределы деревни. Мать запретила строго-настрого: не смей даже нос свой высунуть из хижины, лежи на полу. Но есть на свете вещи и пострашнее ужасных *кариду*. Например, жизнь без сладкого.

Рука с черной каймой под обгрызенными ногтями нащупала то, что искала, – неровный клубень, засевавший в земле. Паренек задохнулся от счастья. Забыв об осторожности, он распрямился, подбросив в ладонях найденный батат. Левое плечо зачесалось, он дернул им, но зуд не прошел. Мальчик нехотя повернул голову... картофель вывалился из похолодевших рук, ребенок замер, не в силах пошевелиться. На смуглой коже, прямо возле предплечья, уцепившись лапками, сидело большое насекомое, смахивающее на кузнечика: голенастые, мускулистые ноги, усики, прозрачные крылья вдоль чешуйчатой спины. Все остальное словно ворвалось в явь из кошмарного сна. Туловище насекомого венчала настоящая *человеческая голова*. Сильно уменьшенная в размерах, примерно с горошину, но все же – определенно человеческая. Симпатичное лицо, аккуратные уши, тонкий носик и разинутый в издевательской улыбке рот с кривыми зубами. Зеленый лоб бережно обвивала проволока крохотного золотого венца, надетого прямо на мягкие, вьющиеся *женские волосы*. Хитиновые бока насекомого защищала толстая железная броня, делающая его похожим на микролошадь средневекового рыцаря. Сзади, у самых кончиков крыльев, угрожающе шевелился загнутый вверх хвост с толстым жалом, как у большого скорпиона. Насекомое, быстро перебирая лапками, поползло вверх – к щеке мальчика. Увидев оскал прямо у своих глаз, ребенок дико закричал – оцепенение пропало, стряхнув «кузнечика», он буквально взвился в воздух, не чуя под собой земли. Охрипнув от воплей, парнишка несся вперед, превратившись в метеор, обуреваемый одной лишь мыслью – только бы *кариду* снова не укусили его.

Насекомое взлетело вверх, к нему тут же присоединилось с полсотни «коллег», образовав небольшую стаю. Небо исказилось, наполняясь небывало громким скрежетом и лязгом. Стучали крылья «кузнечиков» – они издавали такой громоподобный рев, что каждому очевидцу

хотелось упасть на живот и вопить от страха. Холмы вокруг безудержно сотрясались, как будто десять тысяч ведьм одновременно били своими молотами по днищам ржавых котлов. Наблюдая за бегством мальчика, насекомое в золотом венце щелкнуло зубами, оглушительно захохотав. Этот хохот разрушал сознание, резал его насквозь, как бритвой, и был сравним с воем целого стада гиен. На пальмах лопнули, сочась белесым молоком, кокосовые орехи, с лиан попадали мертвые обезьяны, застонавшее море выплеснуло наружу оглушенных рыб. В деревне люди закричали, хватаясь за уши, – между пальцев росинками проступила кровь. Вбежав в бамбуковую хижину, мальчик камнем упал к ногам обезумевшей матери, потеряв сознание.

Стоявший на вершине одного из холмов ангел Хальмгар восхищенно воздел вверх большие пальцы обеих рук. Он снова носил одежду бэкпекера, заблудившегося в злочном квартале Бангкока: удобные шорты, шлепанцы и цветастая «гавайка». Его сопровождающий – ангел с плоскими, вплотную прижатыми к спине угольно-черными крыльями, одетый в искрящуюся хламиду до пят, – с достоинством поклонился. Лицо ангела сливалось по цвету с перьями крыльев: оно было чернее кожи африканского негра, но при этом удивляло наличием европейских черт – узкий нос и тонкие, как ниточка, губы, из-под черных же бровей блистали мрачные глаза. Правое око подмигнуло, и грохот резко оборвался. С тяжелым свистом развернувшись в воздухе – наподобие боевой авиационной эскадрильи, стая «кузнечиков» улетела обратно в джунгли, трясая в полете кончиками скорпионьих хвостов.

– Удивительное зрелище, Аваддон, – с уважением сказал ангел Апокалипсиса. – Такие моменты способны проникать до печенок, именно тут и понимаешь всю крутизну и грандиозность видения, явившегося тогда Иоанну. Когда я впервые прочел «Апокалипсис» в академии, у меня едва крылья в трубочку не свернулись. Какова тонкость поэтического слога! Размах литературной стилистики! Как ловко, шаг за шагом, в строчках проскальзывает нагнетание безысходного ужаса... **«И вышел дым из кладезя бездны, и вышла из дыма на землю саранча, и была дана ей власть, которую имеют земные скорпионы. Чтобы не делала она вреда траве земной, а только людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано не убивать ей, а мучить пять месяцев».** Честное слово, Иоанн – это Стивен Кинг в стихах. Каждая фраза – невиданное по удовольствию телесное наслаждение, затмевающее тайский массаж. Но скажи мне, мой крылатый собрат Аваддон... как определили – отчего сии островные дикари не имеют печати Божией? Этот ребенок производит впечатление весьма милого существа.

– Подобные милые существа не так уж просты, брат Хальмгар, – вежливо указал Аваддон. – Информую дословно: в тот самый день, когда твой коллега, пятый ангел Апокалипсиса, поднял к своим священным губам медную трубу, а звезда упала с неба, превратившись в ключ от кладезя бездны¹⁹, они благополучно сожрали трех европейских дайверов. Бедняги случайно заплыли на остров, исследуя ближайший коралловый риф. Подобные штуки здесь происходят далеко не в первый раз. В пещере у этого самого рифа целое кладбище костей: и дайверы, и туристы-экскурсанты, и экипажи заблудившихся катеров. Разумеется, при начале всеобщего воскрешения оживших мертвецов пришлось эвакуировать с острова, дабы туземцы не поняли смысл происшедшего. Вышло, как предсказывал Иоанн. Есть ужас перед саранчой, а какие-либо признаки раскаяния отсутствуют напрочь. **«И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве».** Короче говоря – ни хрена.

Хальмгар повелительно протянул руку, на мизинец сейчас же села самка саранчи, кокетливо расправив крылья. Ангел поднес ноготь к глазам, рассматривая в упор хорошенькую, точеную головку в золотом венце.

¹⁹ Девятая глава «Откровения» Иоанна Богослова.

– По-моему, это превосходно, – сообщил он. – Пророчество, о котором вострубил пятый ангел, должно сбыться в деревеньке людоедов на Андаманских островах. Ты удивишься, но при желании их жестокому поведению тоже можно найти оправдание. На мой взгляд, виновато правительство Индии, не допускающее на острова чужеземцев, – мол, таким образом сохраняется этническая идентичность сентинельских племен²⁰. Никто не задался логичным вопросом: если идентичность состоит в том, чтобы напропалую сжирать всех чужаков... на фиг она вообще сдалась? Я бы такой народ даже в христианство не обращал, напрасная трата крестов. Читал недавно интервью крещеного вождя в Новой Гвинее. Он открыто говорит: «Да, Библия запрещает убивать людей. Но где сказано, что нельзя их есть?»

– Это суть проблемы с дикарями, – недобро прищурился Аваддон. – Они способны на чудовищное зло, но души их девственны, как у детей. Здешние жители считают дайверов подводными демонами: и не видят греха в поедании неземного существа из другого измерения. Как объяснить туземцам: вкушение плоти ближнего своего – одно из самых отвратительных преступлений цивилизованного мира? Они обязаны стать европейцами – съедать человека доносом, палками в колеса, нудными совещаниями, нервной работой в офисе. Это то же самое, что положить на тарелку его сердце, но со стороны выглядит поприличнее. Дикари-с. Я не представляю, что с ними будет, когда ангельский спецназ потащит людоедов на Страшный Суд. И это лишь один пазл из всей мозаики. Сложно вообразить, Хальмгар, как пройдет транспортировка в Москву древних египтян, жителей острова Пасхи, хеттов и ассирийцев. Очевидно, спецназу придется применить силу. Отлично, что меня перебрасывают на другой фронт. Поделюсь с тобой откровенно – превращение в царя саранчи не было мечтой моего детства.

Хальмгар пощекотал пластины брони на тельце насекомого.

– **«И были у той саранчи волосы, как у женщин, а зубы – как у львов, – процитировал он любимый отрывок из «Откровения» Иоанна. – А шум крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну. Царем над собою она имела ангела бездны, а имя ему было»...**

– Достаточно, – прервал его черный ангел. – Мое имя мы и так уже упомянули – ни к чему склонять его двадцать раз подряд. Я очень рад особому поручению от Господа – без преувеличения, готов прыгать от счастья. Меня не покидало ощущение, что в суматохе на Небесах про меня забыли: придется торчать на этом поганом островке до окончания Страшного Суда, управляя стаей саранчи, гремящей, как ржавая посуда. Море, солнце, пальмы, белый песок. Но это на первый взгляд. Посиди с полгода – взвоешь.

– Не исключаю, – охотно поддакнул Хальмгар. – А что ж поделаешь? Мы всего лишь слуги Господни с тяжелыми условиями работы. Знал бы чудо – был бы Jesus, как говорят в «аквариуме». Славно, что твоя надобность присутствовать в людоедской деревеньке уже отпала. Надеюсь, я все хорошо тебе разъяснил. Помни, *портал* откроют через час после выполнения задания в том самом месте, где ты будешь на данный момент находиться.

– Я не привык обсуждать приказы Господа, – пробурчал Аваддон. – Но, откровенно говоря, задание несколько странное. Знать бы, чем это вызвано.

Хальмгар с некоторой театральностью развел крыльями.

– Ей-богу, я позволил бы сто перьев из своего подкрылка выщипать, – зашелся он в приступе откровения. – Лишь бы разведать, где тут собака зарыта. Но ты же знаешь, Бог – он прикольный. Ему свойственно подкидывать задачи со смыслом. Надо же как-то развлекаться: тяжело жить, зная обо всем на свете. Наверное, ему очень одиноко только потому, что он единственный такой во всей Вселенной. У нас осталась еще минута, после чего в море появятся

²⁰ Это действительно так. Считается, что иначе цивилизация уничтожит племена, поэтому правительство Индии строго предупреждает – туристы не должны посещать отдаленные районы Андаманского архипелага.

врата перемещения. Я готов скороговоркой повторить для тебя Господни инструкции. Но если ты и так понял меня, то кивни.

Ангел бездны замолчал. Черное лицо, казалось, потемнело еще больше.

– Ты кивнул? – озадаченно переспросил Хальмгар.

– Извини, – рассеянно ответил Аваддон. – Задумался. Все о'кей.

– Экипировка на месте прибытия – в туннеле метро, – напомнил ангел Апокалипсиса. – Слева от тебя, как только *переместишься*. Одежда, медикаменты, на всякий случай – шприцы и экстракт серы. Сам понимаешь, вдруг да понадобится? Если что: используй *способность*, но только один раз. Подобная атака – нарушение правил, Бог закроет на это глаза. Неделю пробудешь в статусе грешника, потом попадешь под амнистию. В течение всего Апокалипсиса ангелы не должны иметь отличий от обычных людей, разве что регенерация организма у тебя будет проходить куда быстрее.

Они распрощались, прижимая крылья к сердцу. Аваддон сбросил с себя хламиду, оставшись в набедренной повязке. Порывшись в скользких складках материи, он извлек оттуда серебряную маску, словно доставленную с венецианского карнавала, с той лишь разницей, что она не имела отверстий для рта и глаз. Зажав маску в руке, ангел бездны беспечной походкой направился к океану, копируя пресыщенного экзотикой туриста. Достигнув пляжа, он вошел в теплую воду, черные крылья на спине встопорщились от соленой влаги. Под водой вспыхнул свет – замигал огнями *портал перемещения*. Волны сомкнулись над головой Аваддона, а Хальмгар с облегчением стряхнул с руки саранчу с человеческим лицом – львиные зубы заскрежетали, напоминая звук падения тонны кровельного железа.

Ему пора было спешить в Чернобыль, на встречу с апостолом Иоанном.

Ведь к живым классикам обычно не принято опаздывать.

Глава VIII. «Порш-кайен» Кадырова (Четверг, лимонная квартира)

День прошел до обиды тривиально. Кар с монотонным любопытством, без отрыва пялился во все четыре плазменные панели, изредка протирая оплывшие веки. Он сросся с лимонным креслом – отбегал в туалет, лишь когда становилось совсем невмоготу. За целые сутки Кар ничего не ел – хлестал только виски, и то скорее по инерции: вкус напитка изменился до неузнаваемости. Ферри не страдал отсутствием аппетита даже при Апокалипсисе – он заказывал еду в индийском ресторане, но Кару кусок не лез в горло. До жратвы ли тут... перед креслом в режиме прямого эфира, с каждой стены разрывает глаза агония человеческой цивилизации. Слава тому, кто изобрел телевидение. Еще недавно Кар проклинал «тивишку» – хотелось блевать от рекламы, сучье-гламурных ведущих и блядских ток-шоу. А теперь жил бы с этим ящиком в обнимку. Корреспонденты охрипли от комментариев, и цифровые камеры молча фиксируют объятые пламенем храмы, кликуш, бичующих себя плетками «во славу Божию», растерзанных женщин в толпе насильников и хрустящий пепел сожженных супермаркетов. «Человек – это покрытый тонким слоем лака, прирученный дикий зверь». Кто из философов это сказал? Не суть важно. В мире полный разброд. Малое количество стран с трудом, но придерживается формального порядка, другие без сопротивления разложились в жидкий кисель анархии. Люди стремятся откусить отпряного пирога жизни, успеть залить рот острым соусом удовольствий, пока безмолвные ангелы Страшного Суда не бросили их бранные тела в «озеро огненное». Мечта пацифистов сбылась – отныне вооружения потеряли всякий смысл. Все жители Земли – и живые, и воскресшие – автоматически бессмертны, это вносит в бурлящий хаос кислый привкус абсурда. Выстрелишь противнику в сердце, тот через минуту встает, с насмешкой хлопая тебя по плечу. Кому теперь какая разница, сколько у тебя в активе танков и ракет? В разборках побеждает тот, у кого лучше накачаны мускулы. Страх смерти исчез, столкновения между врагами усилились. В Сан-Франциско негритянские драгдилеры второй день бьются на кулаках с японскими якудза²¹. Улицы Мадрида склонились под плетью берберских кочевников, чьи отряды ворвались в город на верблюдах. Китайцы в первые же часы Апокалипсиса заволокли весь Владивосток и Хабаровск, коренные жители, дабы не выделяться в толпе, утягивают себе глаза бельевыми прищепками. Спасение души? **Да кому оно на хрен сделалось?** Негласный лозунг последних утекающих минут конца света – «Сделай то, чего не успел сделать при жизни». Семь бед – один ответ. Трахни девушку своей мечты. Съешь пять кило икры за один присест. Угони у Рамзана Кадырова «порш-кайен». Промчись со скоростью 250 км/час.

И мало кто понимает – во всем этом не осталось смысла.

Жуешь икру – во рту могильный тлен, секс напоминает любовь между снулыми рыбами, алкоголь, хоть и по-прежнему «забирает», по вкусу – чистый керосин. **Все люди превратились в нежить.** И те, кто жил на Земле, и другие, поднявшиеся из могил, – сейчас уравнились в ранге мертвецов.

Телевизоры полны новостей о пустых кладбищах и армиях живых трупов из древних царств, спящих на улицах, – им некуда идти, у них нет своего дома. Счетчик новых жителей Земли трещит, раскрутившись на десятки миллиардов. В Китае лопнула половина автобусного парка, полностью развалилось метро, пассажиров столько, что общественный транспорт не справляется с перегрузкой. Подобно цифровому цунами, с экрана ежеминутно обрушиваются breaking news²² – в очередном государстве вчерашние мертвецы захватили власть. Всего

²¹ Японская организованная преступность.

²² Срочные новости (англ.).

три дня рукопашных сражений – и мертвая гвардия Наполеона свергла республику во Франции. Площадь Венеции и Колизей в Риме легко подчинились легионерам Цезаря, а окраины перешли в руки чернорубашечников Муссолини. Залитая пивом Бавария присягнула воскресшему Гитлеру, под факелы и фанфары собравшему в Нюрнберге первый посмертный съезд НСДАП. Берлин поднял прусское знамя старого короля Фридриха Великого – восстав из праха, дед вернулся в свою старую резиденцию Сан-Суси, дубовой палкой выгнав оттуда туристов. Древнегерманские племена варваров, закутав плечи волчьими шкурами, к ужасу «зеленых» и «гринписовцев», жарят на площадях застреленных из луков оленей. Одни русские, как всегда, тормозят: никто не делит Кремль – всех настолько увлекло растаскивание бесхозных магазинов, что остальное уже не интересно. Действующих правителей практически не видно: они отступили в тень, испарились, растворившись в небытие... и Обама, и Меркель, и Саркози, и Медведев. Впрочем, последнего и так мало видели... даже непонятно, существовал ли он вообще. Куда они делись? «Апокалипсис» от Иоанна выдает содержательный ответ: **«И цари земные, и вельможи, и богатые скрылись в пещеры и в ущелья гор. И говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас; ибо пришел великий день гнева Его».** Анархия в городах скоро прекратится: обстановку в преддверии финальной битвы с Сатаной возьмут под контроль специально обученные ангелы... а грешники со всех континентов отправятся в Москву – на торжественное открытие первого заседания Страшного Суда. Предстоит впахнуть в город миллиарды народу. Часть наверняка загонят под землю – в опустевшее метро, других поселят в палаточных лагерях или что-то вроде того. Телеролики с Иваном Ургантом, совместно оплаченные «Актимелем» и пиар-службой Рая, ежечасно напоминают: Страшный Суд официально стартует в воскресенье. Первыми подсудимыми станут лидийский царь Крез, Мао Цзэдун и Шнур из «Ленинграда» при условии, если проспится. Но уже нет сомнений – к воскресенью ангелы не успеют. Благодаря тому, что Иисуса всегда окружали записные бюрократы, Сатана вечно опережал его на шаг. Вот и сейчас – Дьявол уже провел помпезную презентацию своего появления на Земле, его внезапный приезд в Лос-Анджелес вызвал общемировой шок. Ощущение, что парень проходил практику у Бритни Спирс, прилетев на личном реактивном самолете авиакомпании Hell's Wings, он повел себя как заправский селебрити²³ из Голливуда, наотрез отказавшись от любых интервью. Особо настойчивых журналистов, совавших ему в морду микрофоны, Дьявол сокрушил одной небрежной фразой, пообещав подать в суд за нарушение privacy²⁴.

Картинка Апокалипсиса, дрогнув, исчезла с экранов. Кар моргнул, стряхивая наваждение. CNN прервало новости свежим рекламным роликом – Христос и Сатана дерутся из-за банки пепси. Побеждает Христос, поражая оппонента мудреными приемами кунг-фу. Фейерверком взрывается надпись – «Пепси – напиток богов!» Гребаные бренды... даже ложась в гроб, и то изошряются, пытаясь высосать из потребителя последние капли бабла.

Кнопка пульта нажалась сама собой. Первый канал транслировал концерт на Васильевском спуске. Егор Летов в стильном покойничком саване, свешивая волосы, испачканные кладбищенской землей, слаженно играл на гитарах вместе с когда-то умершим от передоза Сидом Вишесом из Sex Pistols. Вишес самозабвенно блевал со сцены, фанаты вымученно хлопали. Ближе к Историческому музею разгоралась сваря: воскресший Лжедмитрий со словами «Вкуси мою болюсь, брадатое блядище!» пытался запихнуть в бронзовую пушку царя Василия Шуйского²⁵. Летов пел, стряхивая на деревянные подмости извивающихся в поисках влаги дождевых червей:

²³ Знаменитость (англ.).

²⁴ Термин, обозначающий частную жизнь.

²⁵ Царь Лжедмитрий I был убит во время восстания 17 мая 1606 года в Москве: его труп сожгли, прахом зарядили пушку и выстрелили в сторону враждебной Польши. Новым царем был избран боярин Василий Шуйский.

– Там все будет бесплатно, там все будет в кайф,
Там, наверное, вообще не надо будет умирать.
Я проснулся среди ночи и понял – все идет по плану...

Кар поразился, насколько это в точку. Всю прошлую ночь он провел в колебаниях: правильно ли его решение обратиться к помощи человека с молочно-белой кожей, чье захоронение находилось на древнем кладбище? Джинн, выпущенный из бутылки, опасен не только для *невесты*. Они не имеют над ним никакой власти, а это существо вполне может и передумать. Если же операция сорвется... **Второй раз** ему ТАКОГО точно не вынести.

– Кар... – негромко прозвучало сзади, и он вздрогнул...

Глава IX. Вкус тлена (То же место и то же время)

За спиной стоял Ферри – в его руках была глубокая тарелка, на дне лежали оранжевые от индийских специй кусочки курицы, запеченные в тандуре²⁶.

– Может, пожуешь? Я понимаю, сейчас кушать необязательно, но меня не покидает чувство голода, – пожаловался он. – Наверное, это от нервов.

Кар собирался снова отказаться, но запах еды был настолько восхитителен, что он тут же передумал. Взяв сочный кусочек с тарелки, Кар положил его на кончик языка. Надо скорее успеть прожевать, пока курица не воскресла.

Вкус не удивил его отличием от запаха. Что-то вроде мха, перемешанного с болотной водой. Гниль. Могильная земля. Паутина. Чудесный коктейль. Удивительно, что рестораны Москвы еще всю доставляют деликатесы. Прогдегустировав, за такое блюдо клиенты могут и голову оторвать. Впрочем, фигня. Тысячу раз фигня. Даже эта плесень ему сейчас кажется сахарной халвой. Если *белокожий* не подкачает, к воскресенью они сумеют выиграть главный приз. И тогда можно расслабиться. Исчезнет все: и кошмар ночных пробуждений, и режущая сердце боль, приходящая с каждым новым утром. Бесполезно кричать в пустоту: «За что?» Никто не ответит. И ни одному психоаналитику не расскажешь о попытках самоубийства, кровавых снах и мертвых телах, безмолвными горами устлавших его мучительный путь. Стоит на секунду прикрыть глаза, как из липкой тьмы, подобно привидению, являются тысячи одинаковых силуэтов, забрызганных каплями дождя и свежей кровью. Они ничего не говорят – лишь оборачиваются через плечо и смотрят с немым укором. Всю жизнь он не может забыть ЭТИ ГЛАЗА...

Во рту внезапно что-то зашевелилось – Кар с отвращением сплюнул на пол желтенького цыпленка. Наверное, повара счастливы, как никогда, – настоящее безотходное производство. Зарезал курицу, а через час она опять вхохчет и просится на вертел. Заметив его перекошенное лицо, Ферри засмеялся.

– Перед тобой главный прикол Апокалипсиса, – визгливо хохотал бородач. – Мы с тобой, коллега, УЖЕ не живые – но ЕЩЕ и не мертвые. Да, нас мучает голод. Но не сможем не то что умереть – даже похудеть. Смешно, люди продолжают жить так, как будто ничего и не случилось. Открываю сегодня газету и вижу рекламу клиники диетологов. На черта диета живым трупам? Да и я сам тоже хорош. Никак не закрою свой собственный бизнес, а ведь уже пора собрать всех сотрудников и объявить им об увольнении. Это не концерн, а питомник кроликов, годящихся только на мясо и шкурки. Представляешь, несмотря на Апокалипсис, никто не высказал мне в лицо гадостей, не вылил горячий чай на голову, не станцевал голым на столе. Или это экономический кризис так всех перепугал, что люди боятся потерять работу даже в условиях конца света? В девять утра сидят на работе, как миленькие, в свежих рубашках с белыми воротничками и тупо носят бумаги мне на подпись. Вот скажи, кому теперь на хрен нужны их чертовы бумаги? Офисный планктон, блин. Последние мозги под кондиционером пролюбили.

²⁶ Глиняная печь, популярная в кухне Северной Индии: топится с утра, к вечеру раскаляется так, что любое мясо в ней готовится за 10 минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.